

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

16+

НЕ СКУЧАЙТЕ, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Джейд Дэвлин

Не скучайте, ваше величество!

Серия «Приятного аппетита», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67877097

SelfPub; 2022

Аннотация

Если у тебя есть характер и талант, можно добиться многого, даже иметь свой ресторан и звезду Мишлена в неполные сорок. Но это не спасет тебя от попадания в другой мир, где все придется начинать заново. А самый ужас в том, что ты капризная принцесса, у тебя два жениха и никаких приятных перспектив. Ха! Была принцесса, стал поваренок, а дальше разберемся!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	68
Глава 13	74
Глава 14	80
Глава 15	85
Глава 16	90
Глава 17	95
Глава 18	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Джейд Дэвлин

Не скучайте, ваше величество!

Глава 1

– А фамилия у тебя есть, Крон? – поинтересовалась я, отряхивая тунику от налипшей травы и веточек. Мы выбрались на дорогу, ведущую из столицы на юг, и теперь я видела в просвете между деревьями зубчатый край городской стены, украшенный белыми флагами.

С той стороны доносился неясный гул, и, несмотря на раннее утро, довольно много народа пешком, верхом и на телегах двигалась к городским воротам – видимо, на рынок.

А мы постояли немного, приглядываясь, и двинулись против течения. В столице мне делать точно нечего. Мгновенное и неожиданно острое желание проверить, как там мальчишки, я задавила на корню усилием воли.

– Крон Броун меня зовут, госпожа, – басовито доложил до синеватого блеска выбритый громила, поудобнее пристраивая на плече узел с нашими немудреными пожитками.

– Броун... нормально. Значит, отныне я твоя младшая сестра, Крон Броун, и зовут меня... – Я на секунду задума-

лась и бодро выкроила из родного имени подходящее звуко-сочетание: – Лия Броун.

Крон как-то неопределенно-вопросительно угукнул, глядя на меня глазами контуженного теленка. М-да. Братец-то у меня местами слабоумный. То ли сразу такой был, то ли магия клятвы окончательно сварила ему мозги.

– Обращаться ко мне надо «сестра», а не «госпожа», это понятно?

– Куда мы пойдем, го... сестра? – послушно перестроился Крон, с некоторой опаской поглядывая по сторонам. Странно, но, кажется, его смущала толпа.

Я пару минут молчала, топая по обочине и с интересом приглядываясь к прохожим. Кажется, в государстве все спокойно – люди выглядели по-разному, кто-то был весел, кто-то сердит или утомлен, кого-то явно разбудили слишком рано после вчерашнего. Но в целом они выглядели обычными людьми, а не загнанными зверьками или голодными оборвышами, как было бы, случись в стране гражданская война. Значит, и с этим все получилось.

И у меня есть выбор. Прошло три года для всего остального мира, а для меня все случилось как будто вчера. И память услужливо выудила из своих закромов кучу сведений, которыми я успела разжиться перед побегом. О городах, о нравах их обитателей, из тех, что попроще и победнее, о дорогах на юг, восток и запад, о трудностях и некоторых хитрых уловках для бродяг.

– Пойдем... в Картахелию. Там тепло, там море, и совсем нет тех, кто может нас узнать. – Я подняла лицо и улыбнулась солнцу. – А еще там можно попробовать заработать на жизнь.

– Хорошо, гос... сестра, – согласился Крон, и я впервые увидела, как этот человек улыбается. – Только... если вы теперь моя сестра... вы не можете ходить в мужской одежде.

– Дойдем до места, там и переоденусь, – решила я после некоторого размышления. – По дорогам в платье не набегашься. Нам ведь идти больше недели. У тебя есть какие-нибудь деньги?

– Нет, го... сестра, – пригорюнился «старший братец». – Простите, я не догадался забрать те, что остались от жалования, да там и было немного совсем, все... потратил.

– Ладно, я так и думала. – Рука сама потянулась почесать затылке, наткнулась на отросшие ниже лопаток лохмы и отдернулась – непривычно. И стричь нельзя, магия же. Мало ли когда пригодится.

Вообще, ничего страшного, но и ничего хорошего. Десять серебряных монет по-прежнему защиты в моем поясе, этого хватит на дорогу до южного города Картахелия и на первое, самое скромное обзаведение. Но!

Когда я прежде делала подсчеты и планировала траты, я принимала во внимание собственные силы и потребности, и в моем уравнении не было неизвестного фактора под названием «взрослый здоровенный мужик и его аппетит».

То есть надо как-то особенно извернуться, чтобы не потратить все деньги до того, как заработаем новые.

Морить Крона голодом мне и в голову не пришло. Мы теперь идем вместе, и этот здоровенный мужик – не просто стукнутый магией по голове слуга, но и тот, за кого я отвечаю. Перед самой собой отвечаю, но мне ли не знать, что это как раз самое строгое судейство.

Кроме того, сытый мужчина – сильный мужчина. А у меня теперь другого защитника нет и в ближайшее время не предвидится. Стало быть, не только высокие материи в ход идут, но и чистая практичность.

Я хмыкнула про себя, поймав эту мысль, и окончательно успокоилась, устремив все ресурсы соображалки в более правильном направлении: как нам по дороге обеспечить себя провиантом, не трогая серебра.

– Я сильный, го... сестра Лия. – Кажется, Крон прочел мои мысли, кто бы мог ожидать от него такой проницательности? – Если пойдем не по главному тракту, а в стороне, по сельской дороге, весной по деревням для меня будет много работы. На ночлег и на еду хватит. Так-то я и пахать умею, и много еще чего из крестьянского. Батька мой в деревне жил... да я ушел по глупости, решил легкой жизни поискать.

– Мхм, – отозвалась я, с некоторым удивлением слушая небывало длинную и связную речь парня. Интересно... он всегда был умнее, чем казался, это ему магия в одном месте мозги отбила, а в другом выправила или все дело в бороде?

Как сбрил – так сразу и поумнел.

– Ладно. – Перспективы оказались не такими уж и ужасными, и я повеселела. – У меня тоже руки тем концом приставлены, вдвоем как-нибудь справимся. Где, говоришь, эта твоя боковая дорога, которая через деревни?

– Через три столба перекресток будет, там и свернем, – дисциплинированно доложил Крон. – Как раз спросим, в какой стороне нынче посевная ранняя, на западе или на востоке, оно каждый год по-разному бывает, от ветра зависит.

Я машинально кивнула на его объяснения, с интересом глаза по сторонам. Так уж вышло, что я впервые, можно сказать, познаю мир. С этой завесой, кроме замка, ничего не видела, а во время побега не до того было.

– Поберегись! – заорали вдруг едва ли не над головой, и Крон проворно дернул меня за локоть, утаскивая на обочину. Другие прохожие и проезжие тоже разбегались с середины дороги ближе к краям.

– Что такое? – Я спросила тихо, но притиснутая к нам толпой бабуся в зеленом платке с вышитыми тюльпанами охотно ответила:

– Дык господа едут! Два героя Юнрена, сталбыть, собственной персоной. Господа консорты им поручения теперь дают, вот наши солнца-то и скачут как угорелые из конца в конец королевства-то. Не зря их ко двору взяли с границы.

Я тихо хмыкнула. Бабка сказала «консорты», это значит, наши герцоги кое-как договорились и глотки друг другу не

перегрызли. А что, это ж хорошо.

А два героя Юнрена, интересно, кто такие? Впервые слышу.

– Скачут, скачут! – заорали в толпе.

И действительно, кавалькада из нескольких всадников пронеслась по дороге с грохотом подков, обдавая ликующий народ пылью и запахом конского пота. Прежде чем они скрылись вдалеке, я заметила во главе кавалькады двух длинноволосых блондинов и еще подумала, что, видимо, вот этот золотисто-платиновый оттенок у здешней знати распространен, если даже бастардам когда-то перепал.

А потом мы с Кроном выбрались с обочины и пошли своей дорогой.

Глава 2

– Дык, милаи, я б вас пустила переночевать, коли б вы мне дров нарубили, – вздохнула опрятная старушка, стоя на крыльце. Маленькие обветренные лапки, похожие на птичьи, она чинно сложила под передником, белоснежный накрахмаленный чепец топорщился по сторонам морщинистого лица, как морская пена вокруг обкатанной волнами гальки. – Да только колун у меня испортился, чтоб его болотники поели, этого соседа, рукоять-то сломал. У вас свой струмент, может, есть?

– Нету, бабушка, – вздохнул Крон и уже намеревался развернуться, чтобы выйти за калитку.

Я поморщилась. Дом старухи был последним с этого краю деревни, дальше темнели поля, где вовсю бесчинствовал не слишком ласковый западный ветер, свивая струи холодного дождя в неопрятные мокрые косички. Уходить туда, чтобы найти ночлег под кустом, ну очень не хотелось. А в остальных домах селения нас уже послали... на хутор бабочек ловить.

– А раз только топорище сломано, сам-то обух цел у вас, бабушка? – высунувшись из-за широкой спины «брата», спросила я.

– А что ему сделается, железному, – закивала старуха. – Да толку. Рукоять теперь плотник не раньше чем через три

дня выстругает, как проспится, поганец. Ярмарка у нас была давеча, вот все мужики и того.

– А можно посмотреть? – В голове всплыл очередной ютубовский ролик, для разнообразия рекламный. Там такую штуку продавали – вроде лезвия на подставке, на него сверху ставили полено и лупили молотом, а не топором, дерево расщеплялось снизу вверх, а не сверху вниз, отчего такая колка дров объявлялась более безопасной и быстрой.

Ну а вдогон ролику другие кадры замелькали: про поездку в деревню в раннем детстве – там какой-то соседский мужик так поленья и колот – заклинив железную часть топора в пне острым краем вверх и долбя по нему дровами.

Крон оживился. Кажется, он тоже вспомнил этот способ – было бы странно, если бы выросший в деревне парень его не знал. Скорее всего, просто забыл.

– И верно, бабушка, голова топорная есть – дрова будут. Давай, где у тебя поленица?

Бабка с некоторым неудовольствием пожевала бледными губами, а потом махнула рукой куда-то влево:

– Вон там, под навесом найдешь. Я думала, забулдыги какие городские по дороге шляются после ярмарки, а вы, видать, приличные еще, из своих. Коли с деревенскими-то хитrostями знакомы. Чего ж дома-то не сиделось?

– К родне идем, на юг, – привычно доложила я, направляясь вслед за Кроном. – Ферму вторая жена отца унаследовала, мы там лишние рты, вот и пошли к своим поближе, авось

работу на хорошие руки всегда найдем.

Эту легенду мы с Кроном разработали совместно и вызубрили так, что ночью разбуди – от зубов отскочит. И в какой местности была ферма, и сколько заливных лугов при ней, и какая корова пеструха, а какая рыжуха... чтобы на мелочах не палиться. Деревенские – народ любопытный, часто спрашивали. Новостей у них мало, каждый новый человек интересен.

Вот и бабульку сказка с подробностями вполне удовлетворила. Хозяйка, после того как мы с Кроном (я была на подхвате, таскала занозистые пеньки, придерживала их, чтобы не падали с обуха, пока «братец» молотит сверху подходящим камнем, и потом складывала в поленницу) управились с дровами, не только позволила переночевать на сеновале, но еще и выдала по вчерашней лепешке и сыворотки молочной в горшок налила. Нормальный ужин, а привередничать мы за три недели пути отвыкли.

Одно хорошо: чем дальше на юг мы продвигались, тем теплее становились ночи. Днем и так было нормально, хотя и не жарко, а вот стучать зубами ночью, зарываясь в остатки прошлогоднего сена, мне не понравилось.

За это путешествие я узнала о средневековом сельском хозяйстве больше, чем когда-либо хотела. И раз и навсегда потеряла остатки пиетета перед «чистыми экологическими продуктами без всякой химии».

Угу, только обычно никто не упоминает, что там, где

кончается химия, начинается биология. В частности, когда крестьяне удобряют морковь свиным пометом вместо какого-нибудь порошка с химкомбината, то, если не вымыть этот корнеплод как следует кипятком с мылом, можно подцепить весьма неприятных пассажиров, которых в этом веке, кроме как настойкой полыни, выселять нечем.

Или, например, в натуральном хозяйстве без никаких ветеринарных контролей никого не волнует кашляющая корова. Ее мало того, что будут доить до победного, щедро снабжая всех, кто не кипятит молоко, палочками Коха. Так еще и зарежут, когда поймут, что животное на последнем издыхании, но еще не отбросила копыта самостоятельно.

И продадут это зараженное мясо, пусть не в своей деревне, так на соседской ярмарке.

И это только то, что бросается в глаза сразу. А так – у крестьян полно своих заморочек и хитростей. Их понять можно: натуральное хозяйство в нынешние времена – дело уж больно ненадежное. Под стать лотерее. Будет в этом году теплая влажная весна без внезапных заморозков, а лето без засухи или, наоборот, без месяца неостановимых ливней, смывающих посевы, – будет урожай, еда зимой и немного денег. А если хоть что-то в небесной канцелярии разладилось – пиши пропало, вплоть до голода.

Поэтому крестьяне всегда и при любых обстоятельствах норовят сыграть в хомячка и запасти жирку на случай непредвиденных напастей. А это значит, будут жульничать с

«богатенькими» горожанами или просто чужаками без всяких угрызений совести. Мел в молоке и дешевый подкисший свиной жир в сливочном масле – это цветочки, я вот подглядела, как они своих свиней тухлой рыбой с опарышами откармливают – мол, не пропадать же добру, – и отказалась есть пироги в доме этой хозяйки. Хотя мы честно заработали ужин на этом подворье. И не в опарышах дело как в таковых, свинья все переварит. Но мало ли от какой заразы передохла рыба в том пруду, откуда рачительные хозяева вычерпали этот «комбикорм»?

Такая вот экология, мать ее. Разом приучишься мыть руки перед едой и кипятить любую воду, прежде чем в рот тащить. Еще и Крона пришлось шпынять, ибо это дитя природы такими глупостями не заморачивалось и норовило сожрать чего немытое прямо с куста.

Угу, мы уже один раз куковали на опушке жидкого лесочка, дожидаясь, пока мой охранник сможет отойти от кустиков дальше, чем на десять шагов. А нечего было жрать какой-то местный «утиный лук», сорванный на обочине дороги. Мало того, что там шляется кто попало, так еще и скотину водят, собаки бегают, и крысы путешествуют. Вот и подхватил «весеннюю радость». Причем еще уверял меня, что это, дескать, нормально, весной в деревнях все так «радуются» свежей зелени, и никто еще не помер.

Пришлось надавать по шеям, в красках рассказать о глистах и бациллах, пользуясь тем, что стукнутый магией това-

рищ верит на слово, и впредь бдить, чтобы это большое дитя больше не тащило в рот чего попало...

О-хо-хо, один детский сад в замке оставила, другой взамен получила.

Ладно. До моря осталась пара дней пути. А там... разберемся.

Глава 3

– Сестра, пойдем через главные ворота? – спросил Крон, скидывая с плеча узел и пристраивая его возле пыльного дерева. Оно росло у обочины шагах в трехстах от того места, где толпился народ, выстраиваясь в довольно приличную очередь.

– А есть выбор? – Я уселась на узел и зажала в зубах длинную соломинку, покусывая ее и всматриваясь в клубящийся возле высоких кованых ворот народец. – Все туда двигают, я смотрю.

– Потому что отсюда сразу направо – рынок, а налево площадь, – доложил Крон. – Мне мужик с той телеги рассказал, на которой мы последнюю ночь ехали. Вы... ты спала. А он выпил лишку и язык с привязи отпустил. Чтобы просто так ерунду не молот мне в ухо, я его про город расспрашивал.

– Ну и?.. – подбодрила я добытчика, на этот раз – сведений.

– Все чистые постоянные дворы в этой части города. Как вошел в ворота – можно найти комнату и привести себя в порядок и не шататься по городу потным деревенским увальнем, здесь таких не любят. Да и отдых многим быстро надобен... потому и очередь. А в боковые ворота – это нам больше часа обходным путем топать, да по жаре. Зато, говорят, там к морю ближе и входная пошлина поменьше на пару мо-

нет.

– Ну так чего сидим? – Я поморщилась и встала с тюка. Идти было жарко, пить хотелось зверски, сапоги за время дороги начали разваливаться на части и отрастили внутри себя шипы, клыки или еще какую дрянь, которая натирала безбожно, несмотря на самодельные портянки. Но в любом случае надо было идти. Во-первых, нам все равно в порт. Во-вторых, денег лишних нет. Я как тот скопидом – все десять серебрушек сберегла, и не зря: из того, что удалось выяснить по дороге, следовало, что жить в портовом городе недешево, а если хочешь свое дело начать, так и вовсе придется кошельком потрясти.

– Платье вам надобно обязательно купить, – бухтел по дороге Крон. Он до сих пор периодически сбивался с «вы» на «ты», но хоть госпожой больше не величал, и то хлеб. – И обувь другую... Я с утра в порт схожу, говорят, там грузчики нужны всегда. Много не заработаю, но за неделю...

– Погоди, это оставим на крайний случай, – задумчиво отмахнулась я. – Сначала надо узнать, с какого корабля можно купить мешок заморских бобов.

– Заморских бобов? Зачем?! – изумился Крон. – Они же горькие... в лекарство кладут по одной-две штучки. Вы хотите открыть аптекарскую лавку?

– Нет, Крон, – засмеялась я, глядя, как вдалеке в солнечном мареве тонет синяя полоса морского берега, а бело-желтая городская стена, сложенная явно из местного ракушеч-

ника, плавно закругляется, открывая вид на те самые боковые ворота. Толпа возле них и правда была в разы меньше, зато шум оттуда долетал даже до нас. — К аптеке это не имеет никакого отношения. У меня на эти бобы совсем другие планы.

Пока мы стояли в очереди к боковым воротам, платили пошлину и толкались локтями в узких улочках у самой стены, чтобы пробраться ближе к порту, я все время думала, думала и думала. Ну, точнее, вспоминала и складывала в голове пазл из ранее услышанных историй и того, что удалось узнать в дороге.

Старая Берта еще жива и по-прежнему заправляет одной из «семей» на пирсах. По рассказам, это суровая тетка, которую и смерть боится, если за столько лет не прибрала. И эта местная мафиози все еще любит сладости.

А еще в этом мире существуют какао-бобы, но нет и намека на привычный мне шоколад. Привезенные из-за моря горькие зернышки используют как тонизирующее средство, даже напиток никто не догадался заварить. И не сказать, чтобы это «лекарство» запредельно дорого стоило. Не копейки, но и не золотом по весу.

Так что, если мне перепадет капелька удачи... будет чем поклониться самой старой и суровой «мамке» в порту. Шоколадные конфеты — это такое чудо, от которого ни один сладкоежка не откажется. А я умею их делать, было бы из чего. Не зря же в свое время оплатила безумно дорогой ма-

стер-класс у самого знаменитого французского шоколатье.

Ну, дальше у меня уже несколько ходов намечено. Чем и как торговать, я найду, даже не сильно буду конкурировать с уже привычным местным фастфудом, чтобы другие «мам-кины дочки» не ополчились на сильно умную выскочку.

– Сестра, дальше сейчас идти не стоит, – вдруг забеспокоился Крон. – Там... плохой квартал. А время к вечеру. Не надо вам... тебе на непотребства глядеть, да и обидеть могут, на меня не посмотрят. К веселым девицам частенько даже господа захаживают, против них я не защита, только хуже будет, если начну...

– Я же в мужской одежде пока, ты что? – Мое удивление было вполне объяснимо: какому господину придет в голову цеплять уличного мальчишку в пропыленных лохмотьях, дырявых сапогах и с соломенным гнездом на голове? Волосы я обрезать теперь не рискнула, хотя все равно не могла пользоваться магией – не умела, а зеркало все еще не очнулось от спячки, и подсказок можно было не ждать. Приходилось эту копну кое-как скручивать в дулю на затылке, используя палочки вместо шпилек. Естественно, после дня пути по жаре и пыли этим гнездом и приличная ворона побрезговала бы.

– Сестра... – Крон неожиданно жарко покраснел, это было особенно заметно, поскольку только сегодня утром я заставила его в очередной раз побриться и щетина не скрывала разгоревшихся щек. – Молодые господа, они... иногда бывает... смазливый мальчишка, явно бедняк и не горожанин, у

которого здесь нет еще покровителя... еще хуже может получиться.

– Тьфу! – искренне возмутилась я. – Дожили. Ладно. Куда тогда пойдем?

– Я сейчас осмотрюсь, вы... ты тут стой. Только никуда не уходи! Вот здесь... – Он ткнул пальцем в узенький проулок между двумя домами. – В тенечке. И чтобы на виду не торчать. А то плохой квартал в двух шагах.

– Ладно. – Я махнула рукой и оттащила наши пожитки поглубже в проулок. – Долго не шатайся и не влипни, ради всех богов, ни в какую историю.

– Я только спрошу... Тот мужик на телеге говорил, что на первом перекрестье перед плохим кварталом одна вдова комнаты сдает!

– Иди уже... бегом.

Крон скрылся в вечерней жаре, а я задумчиво стала смотреть вдоль улицы в сторону моря. Хм, а с виду «плохой» квартал ничем от хорошего не отличается. На улицу красных фонарей вообще не похоже. Вот только... на крыльцо одного из домов вышли два блондина в слишком богатых одеждах и принялись оглядываться.

Глава 4

– Прекрати. – Голос был усталый и злой. На секунду мне показалось, что знакомый, но нет, этого мужчину я никогда раньше не слышала.

– Это ты прекрати! – Второй был похож на первый почти во всем, кроме каких-то трудноуловимых нюансов, но именно они делали первого усталым и каменно-спокойным, а второго – суетливо-огненным и искрящимся от какого-то старого неудовольствия. – Сколько можно, брат?! Давно пора забыть и... Пять лет прошло. Пять! Я уже не знаю, что думать, притащил тебя в лучший бордель Ракушек, а ты?!

– А я думал, что тебе скучно и хочется развлечься после тяжелой дороги, – спокойно парировал первый. – Только поэтому согласился составить тебе компанию.

– Да сколько можно уже?! – зло повторил второй. – Ну не хочешь девок, в этом доме Ракушек можно было найти и ма...

– Заткнись, – резко и на этот раз зло рыкнул первый. – Идем в гостиницу. Больше я на твои уловки не поведусь.

Разговор стих, как и шаги. Я вылезла из своей щели и не удержалась, бросила взгляд в спину уходящим господам. Здоровенные парни, выше Крона, который казался мне бу-гаем. А я так рядом с ними и вовсе дюймовочка. Одеты вызывающе богато, но при этом без вычурности или аляпова-

тости. Плечи широченные, а походка такая, что не перепутаешь: с войной эти два господина знакомы не понаслышке.

М-да. А плохой квартал называется «Ракушки», точно, я же слышала об этом когда-то от своих пацанов. И один из этих блондинов явно не прочь купить себе любовь на ночь, а второй играет в благородство. Ну или в брезгливость, не знаю. Хотя разговор о мальчиках мне не понравился. Ну их на фиг... Где вообще мой собственный «братец»? Десять вдов можно было опросить на предмет комнаты за это время.

– Сестра! – Запыхавшийся и мокрый Крон выскочил из-за угла и чуть не врезался в меня. – Сестра!

– Что случилось? – Я недоуменно осмотрела его с головы до ног. – За тобой гонятся?

– Нет. – Крон отступил на полшага и уперся ладонями в колени, явно пытаюсь отдышаться. – Уф... нет. Просто я боялся, что вы... ты...

– Да куда ж я от тебя денусь, несчастье? – риторический вопрос повис в воздухе. – Комнату нашел или просто так побегал по жаре?

– Нашел, – улыбнулся чудик. – Только... комната так себе. Малюсенькая и темная, а еще там ничего нет, даже лежанки. А денег просят как за хороший дом в деревне.

– Ну что поделать, нам пока и такая сойдет. В городе все дороже, – пожала я плечами. – Пойдем тогда, я уже устала до смерти.

Пока мы шли, я все вспоминала рассказ Бори и пыталась

представить хотя бы умозрительно, как и чем можно будет заняться на пирсе, если получится наладить контакт с одной из «мамок». Завтра прямо с утра... сразу на рассвете надо успеть в порт. И присмотреться-принюхаться к атмосфере. Поглядеть, что продают с лодок рыбаки. Наверняка что-то продают, во всех мирах и странах портовые города устроены одинаково. Есть надежда набрести на что-то, что не пользуется популярностью у местных, а потому стоит дешево. И если повезет – придумать, как бы приготовить это дело по-новому. Так, чтобы народ на запах шел и покупал.

Комната и впрямь оказалась той еще дырой – плесени в ней было больше, чем мебели. Зато прохладно – пока мы шли на юг, солнце наострилось припекать по-настоящему, и в каменном городе на берегу моря даже после заката было душно. А здесь, в маленьком доме недалеко от каменистого неудобного берега, где ни кораблю причалить, ни рыбаку поудить, было сыро, но свежо.

Угрюмая рослая бабка, чем-то похожая на старого пирата – наверное, из-за обветренного лица, широких костлявых плеч и вечно прищуренного левого глаза, – скупой выдала нам порцию правил: не шуметь, не пить, девок не таскать, если чего порушим – стражу вызовет как «здрасьте», у нее зять перекресточным служит. Вода в колодце, уголь сами покупайте, в конце улицы по утрам угольщик из предместья торгует, проспали – сами и мерзните.

В целом ожидаемо. Спорить мы и не подумали, потому

что, во-первых, бесполезно, во-вторых, устали как не знаю кто. Я даже не успела на сон грядущий подумать о завтрашних делах: едва Крон устроил мне постель из еще замковых одеял и охапки сена – упала и отрубилась.

Утро началось с петушиного крика и сырого одеяла. Понятно, откуда в комнате плесень: предрассветный туман вползал во все щели седой неопрятной ватой и оседал на всех поверхностях тяжелым холодом.

Ну, с другой стороны – не проспали, даже будильник не понадобился.

– Идем на пирсы, первым делом нужно оглядеться, – командовала я Крону, когда он закончил поливать мне на руки из щербатого кувшина для умывания и подал полотенце. – Ты разменял вчера серебрушку?

– Да, сестра. Вот. – «Братец» порылся в недрах своей туники и протянул мне холщовый кошель, позвякивающий и довольно увесистый. Заглянув в него, я обнаружила кучу медных монет, довольно потертых и неровно отчеканенных. – Тут все...

– Пусть у тебя будет, – распорядилась я. – Главное, прячь туда, куда я научила, чтобы не срезали. Будешь платить в лавках, люди меньше станут вопросов задавать. Когда брат платит за сестру – это привычно и неинтересно, вот если наоборот...

– Да, сестра, – послушно кивнул Крон. – Значит, после пирсов пойдем в лавку с платьями для вас?

– Дались тебе эти платья. Пойдем, пойдем, куда деваться, – вздохнула я. – Нам сегодня непременно должно повезти!

Вот знала бы я, какое сегодня будет везенье, – лучше бы весь день дома просидела...

А начиналось все хорошо. По туманному холодку мы добрались до крайнего пирса, и я с удовольствием вгляделась в длинные ряды маленьких лодок, что приткнулись носами к каменной дорожке, уходящей в море. На каждой лодке сустились люди – в основном старики и мальчишки, как я заметила. Все они на разные голоса выкрикивали название своей добычи, привлекая покупателей.

Народ охотно толпился, заглядывал с каменного пирса в лодки, приценивался, торговался и при этом увлеченно вопил.

Шум стоял такой, что даже морской прибой в нем потерялся, растворился, как слишком маленький кусок сахара в полном стакане чая.

Пахло остатками утренней сырости, водорослями – теми самыми, что, высыхая, дают любимый всеми «аромат моря», – мокрой кожей, рыбой и потом.

Корзины рыбаков быстро пустели, я приглядывалась к товару и хмурилась – пока ничего интересного. Либо мало, либо дороговато для фастфуда, либо уже занято – чтоб мне кухни не видать, если вон те оптовые покупательницы не торговли из «семей».

Неужели зря пришли?

Глава 5

– Па-а-аберегись! – заорали вдруг прямо у меня над головой, и Крон едва успел за руку выдернуть меня из слитно двинувшейся куда-то толпы.

– Па-а-аберегись! – продолжал орать неизвестный голос. – Разойтись, сброд! А ну, живо! Живо!

– Вот бесы морские градоправителя принесли, – пробухтел где-то возле моего левого локтя мальчишеский голос. – Делать ему нечего, трутню, всю торговлю попортит, а у нас и так...

Да уж, кем бы ни был тот градоправитель, дело он затеял неумное. Ну какой тут «разойтись», когда каменная дорожка, уходящая в море, всего шагов десять шириной, а народу на ней тьма-тьмушая? Куда ему расходиться – в воду попрыгать? Или градоправителей такие мелочи не волнуют?

Судя по всему, моя последняя догадка верна, потому что народ толкается и мечется по пирсу, как стая селедки в сетях траулера, а оттуда, откуда слышатся повелительные крики, только напирают.

– Сюда! – дернул меня за руку Крон, и я увидела, что он тянет меня вниз, аккуратно туда, где только что скрылась лохматая пацанская шевелюра. Тот персонаж, что обругал градоправителя трутнем, оказался поумнее многих: он ловко вцепился в свернутые бубликами старые веревки, которыми

был обшит по периметру пирс, и по ним как обезьянка сполз к самой воде, но не плюхнулся в нее, а ловко устроился на каком-то выступе между причаленных лодок.

Мы с Кроном переглянулись и полезли следом. Потому что рыбаки зевак в лодки пускать не собирались, и правильно делали – утлые суденышки не выдержали бы такого наплыва и пошли бы ко дну, а прыгать в воду или падать под ноги толпе не хотелось.

– Вот идиот, – ругнулся между тем откуда-то снизу наш путеводный лохматик.

Я была с ним согласна – какого рожна градоправителя понесло на пирс в такую давку, не мог подождать, пока народ немного не рассосется? Что ему вообще тут надо?

– Отставить! – рявкнули вдруг откуда-то сверху, и мне показалось, что это было выкрикнуто на два голоса. – Всем вернуться!

– А, так он два Юнренских солнца привел выгуливать, придурок, – прокомментировал снизу мальчишка. Как оказалось, он сполз к самой воде и перебрался в какой-то... нет, лодкой назвать это сооружение у меня язык не повернулся – больше всего плавсредство напоминало долбленое корыто, в котором кое-как мог разместиться тощий подросток с веслом и несколько корзинок непонятного на первый взгляд месива. – Ну что ж так не везет... даже на хлеб теперь не наторгую! Скорпену ему в глотку, трутню жирному!

Про жирного трутня я была солидарна, хотя градоприви-

теля в глаза не видела и оценить его фигуру мне случай не представился. Но досадовала не меньше – прощай, мой план углядеть сегодня что-то подходящее для будущего средневекового фастфуда.

– Господин герцог, прошу прощения, я... – проблеял вдруг откуда-то сверху довольно противный тенорок, и когда я машинально подняла голову, то первое, что увидела, – знакомый силуэт на фоне светлеющего неба и рукоять фамильного меча семьи Браганта у него на поясе.

– ...! – само вырвалось, когда я разжала руки и камушком, почти без всплеска, ушла в воду с головой.

Это было даже не страшно, потому что море оказалось приятно теплым, а в прозрачной высоте у кромки мерно колыхались тонкие водоросли, словно успокаивая и обещая, что вынырнуть можно в любой момент.

Я задержала дыхание и проплыла под корытом, в котором сидел пацан. Осторожно схватившись за край посуды, высунула голову: точно там Раймон, мне не почудилось? Он еще стоит?

Это был Раймон. Но слава всем богам, герцог вовсе не смотрел вниз и не обратил никакого внимания на всплеск, он уже отвернулся, о чем-то вполголоса разговаривая с низеньким и толстым господином в дурацкой шляпе, похожей на подушку с пером.

– Какого... его сюда принесло? – отплевываясь, пробормотала я.

– Два солнца ж притащил, – ответил вдруг на этот риторический вопрос владелец корыта. Он вообще оказался на редкость словоохотливым. – Юнренские герои теперь будут отвечать за порядок в Картахелии, не слышал, что ли? Вот его светлость их и привез на место службы. Напутствовать, небось, чтоб не заворовались, или еще что... Хотя эти вроде как северные пограничники, они не вороватые. Зато нрав тяжелый, будут теперь всем ремни-то затягивать. Тут же ж все на мази давно, кому надо сунуть, кого надо пугнуть – и гуляй, вольница. А когда новое начальство – так то все одно новое шило в заднице, порядки свои наведут. Эх... Отпусти лодку, я поплыл. Не будет сегодня торговли.

– Сестра! – вдруг напомнил о себе Крон. До этого он висел на канатах, крепко зажмурившись от страха, – увы, мой здоровый лось не умел плавать и боялся воды. Так боялся, что даже не заметил, как я свалилась вниз. А теперь он глаза все же открыл и, судя по всему, перепугался еще больше. – Сестра!

– Тихо! – шикнула я, перебирая руками по борту корыта, чтобы снова приблизиться к пирсу. – Не ори, здесь я. Все в порядке. Держись крепче, скоро все уйдут, и мы вылезем.

– Так ты девчонка, что ли? – очень удивился корытовладелец, разглядывая меня большими глазами. – Ну точно... Красотка, где ты научилась так хорошо плавать?

– Кто тебе здесь красотка, мелкий? – фыркнула я. – Тоже мне... Скажи лучше, как долго...

Я хотела спросить, как долго, по его мнению, придурок с подушкой на голове будет прогуливать по пирсу всякие герцогские морды. Все же у парня в таких делах опыта было больше, мог и подсказать чего полезного.

Но закончить вопрос я не успела, потому что неудачно перехватилась за борт его корыта и оно резко качнулось. Одна из корзин, среди которых и сидел мальчишка, от этого толчка опрокинулась на бок, и мне на голову посыпались мелкие и не очень осьминоги. Или что-то необычайно на них похожее.

– Осторожно! – завопил пацан, спасая свою добычу от низвержения в море. – Рехнулась, что ли? Отцепись давай, дура!

– А куда же делась «красотка»? – чуть насмешливо поинтересовалась я, перестав раскачивать его утлое суденышко, но не убирая руку с бортика.

Часть еще вполне живых руконогих, из тех, кому повезло вывалиться, шустро шевелила щупальцами, расплываясь в разные стороны, а мне пришла одна интересная мысль. Неужели все же повезло?

– А что у тебя в других корзинах? – спросила я, дождавшись, когда мальчишка перестанет ругаться и шипеть, как котенок, которому намочили хвост. – И почему ты продаешь такую ерунду?

– Сама ты ерунда! – взвился пацан. – У меня добыча высший класс!

– Ага, вижу. Мелочь. Мелочь. Ракушки. Еще мелочь. – Я бесцеремонно и деловито подволокла его корытце к причалу, ухватила одной рукой за веревочную обивку, а другой начала сдергивать крышки с других корзинок. Хм-хм-хм...

А это, кажется, уже интересно!

Глава 6

– Так, ракушки себе оставь, слишком мелкие, много возни и протухнут еще до обеда, – деловито выговаривала я, перебирая мелких морских тварей в корзине и перекладывая часть в наше с Кроном лукошко. – А вот осьминогов тащи сколько поймаешь, все пригодятся.

Мы уже ушли с пирса, поскольку нелегкая наконец унесла и подушкового градоправителя, и его опасное начальство. Люди начали расходиться, солнышко припекало все крепче, набережная опустела.

Пацана, который пытался пристроить на рыбном рынке свою всякоразную мелочь, звали Янь. Он был сиротой с двумя сестренками, сыном утонувшего этой осенью рыбака. Отцовскую лодку у него отобрала артель за какие-то там долги папаша, но зато остался дом, в котором жила семья. Хибара на самой окраине, но все крыша над головой. Жаль только, с голоду можно и под своей крышей умереть.

Ходить на настоящий рыбацкий промысел мальчишка еще не мог – мал. Настоящей лодки у него не было. Да и сестриц, одной из которых было семь, а второй три, он надолго боялся оставлять, хотя девчонки, по его словам, были на диво самостоятельные и серьезные.

Вот и выворачивался как мог – на своей самодельной долбленке обходил перед рассветом цепочку мелких остров-

ков в полукилометре от берега, выуживая из щелей и промоин все, что можно съесть.

Благодаря этому и не голодали. Беда только, что помимо даров моря обычным людям нужны и другие вещи. Хотелось хлеба, хотелось дров для печки, девчонки и сам парень росли, и нужно было как-то одеваться. Про обуваться они и не мечтали – летом и босиком нормально.

На все требовались деньги. А продать невразумительную добычу на рынке, где полно отборной свежей рыбы с ночного промысла, удавалось редко и за гроши. Кое-что пристраивали по соседям, но тоже очень дешево.

Я во всей этой истории увидела свет собственного везения. Когда мне на голову посыпались мелкие склизкие и с присосками, память как по волшебству прояснилась, подкинув мне четкую картинку из земного прошлого: набережная в Неаполе, море, чайки, певучая итальянская речь – и вдруг запах. Такой интенсивности и красоты, что меня повлекло на него как на привязи.

И притащило к лотку веселого темнокожего марокканца, на развес торгующего жареными тут же осьминогами. Это было... невероятно. В жизни я не ела более вкусного морепродукта.

Мой тогдашний кавалер, с которым мы познакомились на большом ресторанном форуме и уже наметили было сначала прогулку, а потом и более интенсивное общение в номере отеля, ушел ни с чем, поскольку оттащить меня от марок-

канца и его осьминогов не смог бы даже бульдозер.

Я тусила там неделю – приходила рано утром, уходила с последними гуляками на набережной, кое-как спала в своем отеле и со всех ног мчалась обратно.

С Рашидисом мы в конце концов подружились, когда ему надоело гнать от лотка чокнутую бабу, смотревшую влюбленными глазами на его коробочку со специями. Взяв с меня слово, что я никогда в жизни не буду жарить осьминогов в Неаполе, пожилой жилистый дядька, прокопченный с головы до ног вкусным дымом, научил меня готовить панировку, правильно выбирать масло, добавлять нужное количество специй, соображать на ходу, чем заменить недостающие, если вдруг что, и главное – правильно чистить самую скользкую щупальчатую мелочь и правильно жарить ее, нанизав на рисовые соломинки.

И вот теперь я имею отличный шанс поправить свои дела благодаря случайному знакомству. Точнее, двум случайным знакомствам: на Земле в прошлом и под Картахельским пирсом в настоящем.

– И что ты собираешься с ними делать? – скептически выгнул бровь мальчишка, подкинув на ладони несколько медяков. – Самим вам столько не надо, не успеете сожрать, протухнут. А продавать... где ты такое продашь?

– Тебя это волновать не должно. – Я наконец отсортировала морепродукты и передала корзинку слегка оглушенному всем произошедшим Крону.

– Еще как должно, – возразил мальчишка, хватая меня за руку. – Сама сказала, что будешь покупать у меня постоянно и много. Я сейчас губу отсюда и аж до Белой Гавани размотаю, предвкушая барыши, а ты прорыбишь все свои денежки и сгинешь, и я останусь, как дурак, с осьминогами и без запасов девкам на зиму! Так что рассказывай!

Его выгоревшие на солнце почти до белизны лохмы смешно встопорщились, мальчишка, сам черный от раннего загара, был до смешного похож на сердитый старинный негатив.

Я хмыкнула и потянулась, разминая затекшую спину.

– Расскажу, но позже. Сам лучше подсказку дай, где недорого купить приличное платье и прочие женские... вещи. Старьевщики на нашей окраине есть? Такие, чтобы не совсем тряпье продавали?

– Угораздило меня связаться с чокнутой, – пробухтел мой первый поставщик, но потом задумался на пару минут и выдал несколько адресов, звучавших вполне в духе времени: через Ракушки до овсяного рынка и потом на закат, третий дом с красной крышей, или вдоль порта до Синей Гавани, потом свернуть у зеленых ворот и в гору, пока не упруешься в лавку старой Хульги... но там будет дороже.

– Хватит пока. – Я поняла, что больше трех таких адресов без навигатора все равно не найду, и притормозила источник сведений. – Значит, завтра с утра жду тебя здесь же, пока одной корзины хватит. Пока!

И мы ушли. Честно говоря, платье волновало меня сейчас

меньше всего, важнее было решить несколько других вопросов. Понятно, самых первых своих купленных осьминогов я продавать не буду, они пойдут на эксперименты и заодно обеспечат нас пропитанием, на которое не придется тратить-ся отдельно.

Но чтобы их приготовить, мало самих морепродуктов. Надо еще раздобыть правильные специи, правильную панировку и самое главное: правильную жаровню!

И вот тут начинаются сложности.

Потому что мало сообразить, как выстроить печку во дворе арендованного дома, мало подобрать дрова, чтобы пламя было ровным и нужной жаркости. Надо потом еще как-то эту самую печь приволочь на пирс! Потому что торговать можно только горячими, секунду назад зажаренными осьминогами, привлекая прохожих волшебными запахами, которые работают лучше любой рекламной кампании.

И у меня есть пара мыслишек, как это все проверить.

Интересно, сколько стоит в Картахелии работа плотника? Мне нужна крепкая тачка на двух колесах и с подпорками.

Глава 7

– Развели тут грязюку! Это что такое?! – возмущалась хозяйка дома, которую нелегкая ни с того ни с сего опять принесла проверить, как поживают ее квартиранты. Дело в том, что сдаваемые ею комнаты выходили дверьми не на «чистый двор», где обитало семейство арендодательницы, а в переулок, и каждой клетушке был нарезан малюсенький участок пыльного пустыря, вроде как мини-дворик, где я и расположилась с экспериментами.

И надо ж было такому случиться, чтобы старая карга, влетевшая в калитку, с ходу вляпалась обеими ногами в шмат глины, которую Крон уронил на дорожке, когда уделанными по плечи лапищами тащил этот хорошо вымешанный с навозом и соломой ком к моему рабочему месту.

– Не беспокойтесь, госпожа, мы все приберем, – откликнулась я, вытирая потный лоб предплечьем – руки тоже были в глине. Я творила печку, это был уже четвертый вариант за три дня, и, если честно, больше всего сейчас мне хотелось не разводить вежливость, а запустить комом грязи в крикливую старуху. Она за эти дни успела достать меня до печенок и даже глубже.

Самое обидное, что совершенно не было времени и возможности сменить жилье. Крон, дурак такой, отдал старухе арендную плату за месяц вперед, потому что в противном

случае карга обещала настучать на нас своему родственнику-перекресточному.

На что именно она собиралась доносить, неизвестно, но мой бритый бармалей испугался, причем непонятно, за кого больше – за себя или за меня. Его-то, по сути, никто не искал, сочли мертвым уже три года назад, а вот я продолжала щеголять в мальчишеском наряде, потому что в юбке с глиной и тачкой не набегаешься. Чем это мне грозило? А брюква его знает. Крон представил, что нас разоблачат, и от чего-то спекся прямо до состояния вкрутую. Объяснить мне сути дела он не смог, только бормотал, что лучше потерпим, а через месяц съедем.

Я поскрипела зубами и четко усвоила: отныне все денежные дела и переговоры с другими людьми придется вести самой. Ну... тоже урок. За который приходится платить ежедневной нервотрепкой при общении с бабкой.

– Что за бордель в грязи вы тут развели? – К удивлению, бабка сбавила тон, в ее голосе был скорее брезгливый интерес, чем настоящий гнев, после которого нам грозило оказаться на улице без тех денег, что мы ей уже заплатили. – Это что?

Она прошла ближе и с легким любопытством потыкала носком потертого сапога в деревянную платформу, на которой я ваяла четвертый, надеюсь, окончательный вариант помеси жаровни и тандыра.

– Печка это будет, передвижная, – особого смысла разво-

дить секретность я не видела.

– На телеге, что ли? – быстро сообразила бабка. Собственно, у нее было имя – госпожа Магнолия. Но из этой старой копченой селедки была такая же магнолия, как из меня принцесса. – И зачем тебе такая дурость? Печка передвижная, ты посмотри. Ума-то нету, так они грязь на колесах грозмят, вишь ты... чокнутые. А как совсем осьминог из уха-то вылезет да подожжете мне дом, блаженные, а? Кто мне за это заплатит, я вас спрашиваю?

– Когда у вас Бурый Гонт халупу снимал да по пьяни калитку снес, вы с кого плату требовали? – подал вдруг голос Крон, подтаскивая за спиной бабки мне новый ком глины. – Небось, так кривая и стоит, того и гляди пришибет какого посетителя. И будете сами виру выплачивать за увечье.

– Ах ты, поганец! – буквально взвилась бабка, проворно оборачиваясь к моему названому братцу, которому я за ее спиной показала измазанный в глине кулак и скорчила страшную рожу, означающую: ты что несешь, придурок?! Хочешь, чтобы карга нас прямо сейчас на улицу выгнала?!

Крон в ответ сделал сложное движение глазами, которое я не поняла. Но налетевшая на него бабуса-пиратка с цветочным именем была остановлена буквально в трех сантиметрах от жертвы одной фразой:

– Так я о чем... калитку-то вам починить или как? Пусть на одной гнилой петле болтается?

Госпожа Магнолия с минуту сурово сопела, спуская уже

накопленный пар, а потом коротко хмыкнула:

– Скидки за постой не будет.

– Да это понятно, – кивнул Крон. – Вы вон досок хороших скажите внуку принести да петлю у кузнеца новую закажите. А остальное сделаю.

– Все есть, все есть, – засуетилась вдруг бабка. – Давно уж припасено. Только жадные все стали, за час работы хотят чуть не королевским золотом! А ну, пошли, милоч... чай, тут в грязи-то и без тебя справятся.

Я снова вытерла лоб локтем, озадаченно глядя вслед удалившимся товарищам. И как это понимать? Только что вот я вспоминала, что этого увальня лучше одного с деньгами на переговоры не отпускать, и тут же – тут же! – он развел отличную дипломатию с бабулькой, отвлек ее от меня и моей работы, и ему даже не особенно дорого оно встало. Крон еще вчера сказал, что, будь у него материалы и инструменты, калитку бабке починил бы в момент.

Но предлагать этого домохозяйке тогда не стал, а вот сейчас использовал как козырь. Это как, у него мозги работают в мерцающем режиме? Тут варю теорему Пифагора, а тут примус починяю?

Подумав немного, я вернулась к ваянию печи, решив, что нашла более-менее правдоподобное объяснение странностям. Дело в том, что Крон вел себя как типичный здешний деревенский житель: деньгами он не очень умел распоряжаться. И до дрожи в коленках боялся властей, тем бо-

лее городских. А особенно – мелких чиновников вроде бабкиного перекресточного. Инстинктивный какой-то страх, на уровне рептилоидного мозга, не иначе. Слишком мало он на самом деле прожил на кухне при замке, я спрашивала – появился там буквально на месяц раньше меня. Не успел перестроиться.

Столкнувшись с двумя проблемами сразу – платить за постой не работой, а наличкой, и получив полный ковшик неясных угроз, – его мозг временно выключился.

А теперь вот очухался немного, тем более что его вернули в привычную плоскость: починить калитку руками – это не живые деньги отдать. Это ему проще и легче.

Ну и ладно, буду просто держать в голове эту его особенность. А пока другие дела на носу. Моя строительная деятельность потихоньку продвигается. Я ведь сдуру замахнулась сразу на то, что посложнее, – любимую печь вьетнамских уличных торговцев. Конечно, они ее все же на земле строили и не из... кхм... палок, а из бетона, но при должном старании и у меня получится. Зато сколько преимуществ! Компактность, экономичность и три – сразу три! – «конфетки» вместо одной. Правда, опять пришлось потратиться у кузнеца, потому что без некоторых металлических запчастей все равно было не обойтись.

Хорошо, что удалось сформировать правильные «кирпичи», теперь осталось их соединить в нужном порядке, как лего.

Дорогу осилит идущий, а печку – лепящий. К вечеру этого же дня я оставила в покое свое новое архитектурное сооружение и взялась за другие дела, потому что теперь моей поделке надо было как следует высохнуть.

А мне настала пора все же идти за платьем и вплотную решать вопрос какао-бобов. Вот ведь незадача: оказывается, сейчас на них не сезон. В порту ни одного торговца с нужным грузом. И где теперь искать пропуск «под юбку мамки», еще предстояло выяснить.

Глава 8

– Го... сестра, ты такая красивая! – благоговейно выдал Крон, глядя на меня глазами контуженной совы.

Я даже забеспокоилась, мало ли, даже несмотря на вскипаченные после отката мозга, он оставался здоровенным половозрелым мужиком, с которым я сплю в одной комнате. Но нет, волновалась я напрасно, потому что в глазах названного брата светился чисто детский восторг и ничего больше. Ни единой искры мужского интереса или похоти. И даже наоборот, восторг довольно быстро сменился озабоченностью.

Которую Крон тут же и объяснил:

– Сестра, теперь тебе ни за что нельзя ходить по улицам одной, тем более в сторону Ракушек. И в порт. И в лавку... и вообще никуда!

Я вздохнула, даже не пытаясь спорить. Большое бронзовое зеркало, прибитое к стене самой шикарной лавки старьевщика на рынке, отражало если не мисс мира, то вполне симпатичную худощавую девицу с идеальной осанкой, заметными, хотя и не выдающимися выпуклостями и правильной кукольной мордашкой в обрамлении золотистых локонов.

Как есть принцесса. В портовом южном городе, где так жарко, что женщины не привыкли заматывать себя в десять слоев ткани и открытым декольте никого не удивишь. Где

юбки выше щиколоток, где волосы если и прикрыты, то лишь легкой вуалью или кокетливой соломенной шляпкой – от солнца. Где темперамент кипит и выплескивается как из парней, так и из девчонок веселым пенным фонтаном. И где светловолосые красотки – редкость среди смуглых бойких брюнеток.

Это проблема.

– Крон, ты никогда не слышал, чем женщины в королевстве красят волосы? – спросила я, впрочем не слишком рассчитывая на ответ. Откуда крестьянскому парню, попавшему на кухне сразу к вертелу, знать такие подробности дамского туалета?

– Нет, сестра, – предсказуемо понурился чисто выбритый громила. – Но можно спросить у госпожи Магнолии! Она после калитки подобрела и будет доброй еще дня три, не меньше. А потом я еще что-нибудь почию.

– У нашей хозяйки полная голова седых волос, и при том, что она до сих пор усиленно молодится и подмигивает симпатичным господам, когда они идут мимо ее калитки, если бы Магнолия знала верное средство, она бы им воспользовалась, – отмахнулась я. – Ладно. Спросим у аптекаря. Наверняка если кто-то что-то такое продает, то это там. Нам все равно нужно найти заморские бобы.

Эх, если бы все было так просто, как я думала в этот момент.

– Три серебряка, и не меньше. – Аптекарь презрительно выпятил губу. – Или иди отсюда, поищи, где дешевле найдешь.

Я мысленно сказала очень много разных слов, но цензурных среди них не было.

Три серебрушки, три! За мешок весом примерно в полкило. Он рехнулся, что ли, старый козел?!

Нет, к брюкве. Пусть подавится. Я лучше придумаю другой способ сделать эксклюзивную сладость, чем дам сквалыге мерзкому так на себе наживаться. Отдать ему почти треть моих запасов – да он облезет!

– И средства для шлюх тут не продают! – добил меня пожилой выжига, посмотрев сверху вниз как на таракана.

Я удивленно моргнула и сообразила, что это он о краске для волос. Понятно... вот не зря этот конкретный козел сразу показался мне похожим на толстую жабу. Выпяченная губа и бородавка под глазом только усиливали сходство.

Ладно, господин земноводное. Вы не единственный аптекарь в Картахелии. Правда, один из самых дешевых... но это я зря, как тот поп, погналась за дешевизной. По всему выходит, что все свои снадобья вы делаете из чего попало, и только потому они у вас стоят меньше, чем в приличных местах. Вон почуял выгоду и мигом цену задрал, выжига...

С этими мыслями я развернулась и вышла из лавки, от души хлопнув дверью о косяк, с такой силой, что медный колокольчик над ней затрясся как припадочный.

– Ах ты, тварь поганая! – заорал вслед аптекарь, но мне уже было наплевать. Дверь я не сломала, значит, никаких претензий ко мне быть не может. Сейчас дойду до перекрестка, где Крон пытается выторговать у какой-то тетки мешочек серой морской соли, нужной мне для дальнейших экспериментов с морским фастфудом, и...

Увы, этим планам было не суждено сбыться. Прямо на рыночной площади средь бела дня я услышала за спиной быстрые тяжелые шаги и не успела развернуться, как на плечо мне упала тяжелая рука.

– А ну, стой, девка!

Высокий и тощий мужик с недобрый прищуром решительно рванул меня за ворот легкой полотняной блузы, которую только вчера Крон собственноручно отстирывал и отбеливал щелоком. Мы купили ее очень дешево, потому что она была вся уделана травяным соком, и мой названный брат заверил, что знает, как избавиться от пятен.

Почему-то именно жалость к его стертым рукам сейчас заставила меня вспыхнуть от гнева и резко сбросить с плеча чужую руку.

– Что вам нужно, господин? – Я отступила на шаг и очень холодно посмотрела на агрессора.

– Что ж ты, красавица, так далеко от дома забрела? – осклабился мужик, липким взглядом ныряя в мое декольте. – Пойдем, провожу...

Он шагнул ближе и зашипел вполголоса, как змея:

– Только вякни, шлюха белобрысая, заору, что ты у меня деньги украла, тут все перекресточные со мной в доле, дура деревенская. Быстро пошла за мной! Отработаешь должок, тогда и о себе позаботишься. Твое дело ноги раздвигать, ковров больше пасти не придется. Поняла?!

У меня в голове стало холодно и кристально чисто, как морозным зимним утром на балконе. Мозги заработали с утроенной скоростью. Крон что-то такое рассказывал, про девчонок, которые попадают в Ракушки не совсем своей волей, про наивных деревенщин и вот таких «рекрутеров», у которых действительно свои среди перекресточных и мелких лавочников. Неужели жаб навел? Так быстро? И что теперь делать?

Так, спокойно, спокойно. Наезд рассчитан на ту самую наивную деревенскую девочку с психологией как у Крона: на ту, что будет бояться всего, а особенно обвинения в воровстве и того, что сейчас позовут местного представителя власти. Она не будет сопротивляться, она поверит и, заливаясь слезами, пойдет за подонком сама.

Угу.

– Кто вы такой, господин? – еще холоднее и громче переспросила я, смерив гада таким взглядом, словно мне под ноги внезапно вывалился целый ком протухших слизняков. Может, я и не настоящая принцесса, но изобразить уверенность и дворянское достоинство еще как сумею.

И в первое мгновение уличный сутенер действительно

слегка отшатнулся. Но потом его глаза загорелись злостью, и я почувствовала, что сейчас будет что-то совсем нехорошее. Драчунья из меня та еще, но я все равно подобралась. Самое противное – бежать было нельзя: вот тогда подонок точно заорет «держи воровку», а потом пойдешь докажи рыночной толпе, что ты не верблюд.

– Что здесь происходит? – холодно спросили вдруг у меня за спиной. Мужской голос, молодой, уверенный. И чем-то неуловимо знакомый... – Госпожа, вам нужна помощь?

Глава 9

Я обернулась медленно-медленно, как в плохом ужастике, когда героиня боится глянуть через плечо, предчувствуя, что ничего хорошего там не увидит.

Хм. Хм.

Парень. Еще совсем молодой – лет двадцать с небольшим или даже меньше. Высокий, симпатичный. Рыжий, как солнце, щедро усыпанный веселыми конопушками. Выправка явно дворянская, лицо строгое, а в карих глазах все равно смешинки.

Заметив мой взгляд, спаситель шагнул вперед и так посмотрел на уличного вербовщика, что я тихо ахнула про себя: солнечные искры веселья мгновенно превратились в обжигающее яростное пламя, от которого подонок скукожился и пожух, как старый лист, упавший в костер.

– Пошел вон, – спокойно и негромко произнес рыжий спаситель. И даже больше ничего не добавил. Этого оказалось достаточно, чтобы сутенерская плесень со сдавленным всхлипом втянулась, кажется, прямо в стену дома. Нет, конечно, подонок просто нырнул в узкую щель проулка, но смотрелось все равно очень эффектно!

Его проводили долгим внимательным взглядом, а потом спаситель снова повернулся ко мне.

– Госпожа? – Его улыбке мог бы позавидовать солнечный

зайчик. – С вами все хорошо?

– Да, спасибо. – Я отступила еще на полшага и внимательно рассмотрела спасителя. Что-то неуловимо знакомое было в его облике, что-то... но я точно не могла нигде видеть этого парня. Тем более он дворянин, а у меня таких знакомств – раз, два и обчелся. Да, собственно, только двое герцогов и было, и ни на одного из них этот молодой веселый мужчина с ловкими движениями хорошего воина в неброской, но явно дорогой и хорошо подобранной одежде не похож.

– Может, вас все же проводить, прекрасная госпожа? – между тем предложил рыжий, шагая ко мне как раз на те самые полшага. – Простите, я не представился. Антис Ай'Юнрен, к вашим услугам. Не окажете ли мне честь и не позволите ли узнать ваше имя?

– Сестра! – полный паники возглас сбил всю солнечную атмосферу, а ведь я уже почти улыбнулась рыжему в ответ. Но прилетел Крон, и он явно был в таком ужасе, что можно было думать не о симпатичном юном дворянине, а только о перепуганном названном брате. – Сестра, я... прости! Я же говорил тебе, что нельзя ходить одной! Я...

– Все в порядке. – Я поймала Крона за руку и сжала ее, другой ладонью погладив по плечу. А потом обернулась к спасителю и подарила ему извиняющуюся улыбку:

– Простите, господин Ай'Юнрен, я вынуждена вас оставить. Большое вам спасибо, ваше своевременное вмешательство позволило избежать множества проблем. Примите мою

глубокую благодарность. А теперь нам пора.

– Скажите хоть ваше имя, прекрасная госпожа! – окликнул нас в спину рыжий, когда я уже потянула своего бритого громилу сквозь рыночную толпу.

– Меня зовут Лия Броун, господин. – Я снова мимолетно ему улыбнулась напоследок и прибавила шагу. – Идем, несчастье мое. А где покупки? Ты же должен был соль торговать, бросил где-то, что ли?

– Ты опять нашел себе приключений на ровном месте? – Насмешливый чуть хрипловатый голос прозвучал у самого плеча, и Антиса тут же чувствительно ущипнули за бок. – Или просто очередная девица в беде? Вот ты неугомонный, рыжий, сколько можно?!

– Я... хм... – Антис оглянулся на друга. – Опять шею тянешь куда не надо, любопытная птица? Да еще и щиплешься. Напомнить тебе детское прозвище?

– Только попробуй. – Русский парень с неприметным лицом и такой же ладно скроенной фигурой хорошо тренированного бойца шутливо ткнул друга локтем в бок. – Так что за красotka тут только что с тобой кокетничала?

– Ладно-ладно. Она не кокетничала. К девушке пристал местный поганец, из тех, что наши солнца намерены вычистить из города. Девушка явно не местная, вот и...

– Ну да, хорошенькая блондинка, словно тоже откуда-то из окрестностей Юнрена. Интересно, каким ветром ее сюда

занесло? Ты не спросил?

– Не успел. И вообще, странно. Знаешь, мне показалось, что я где-то видел ее раньше. Такое смутное чувство...

– Конечно, видел! Когда мы сбегали от воспитателей на сельскую ярмарку, там все девицы так выглядели! М-м-м, были времена.

– Угу, особенно когда мы с ярмарки возвращались и старший изверг приказывал отсыпать нам горячих с солью, – пожегился Антис. – А потом закатывал двойную тренировку!

– Нашел что вспомнить. Какие были девчонки, какие у них были сись... формы! М-м-м! Вот это надо в памяти хранить, а не горячие от двух зеркальных извергов. Пошли, а то опоздаем и нам прямо сегодня достанется, на долгую память.

– Как там на юге? – Тень в кресле потянулась и устало откинула голову на подлокотник. Ухоженная рука вынырнула из тьмы и провела кончиками пальцев по резной ножке серебряного кубка. – Налить?

– Налить, – согласился Раймон, падая в свое кресло и глядя на угли в камине. – Устал как собака.

– Устроил наши солнышки с комфортом? – поддел Джейнс, выныривая из тени и глядя на друга с легкой усталой насмешкой.

– Не напоминай... Каждый раз, как я вижу этого мальчишку, мне хочется его немного придушить. Чисто для профилактики, чтобы не смел сверлить мне спину такими взгля-

дами.

– Он так и не простил? – Голос Джейнса растерял радостные нотки и стал серьезно-печальным.

– Нет. Я сам себя не... Ладно. Пусть смотрит. Главное – подчиняется и не делает глупостей, – отмахнулся Раймон.

– Все твои враги рано или поздно приходят ко мне. Этот ни разу не приходил. – Джейнс налил вина в другой бокал и протянул герцогу Браганта.

– Да знаю... слишком умный, гаденыш. – Раймон благодарно кивнул и тоже откинулся на спинку кресла, глядя в камин и потягивая пряную красную кровь южных виноградарей.

– Не верит в нашу вражду? – По голосу было слышно, что Джейнс скорее подначивает, чем говорит всерьез.

– М-м-м? Не знаю. Вряд ли догадался, что это игра. Просто не хочет выступать против меня. Пока не хочет. Может, никогда и не выступит.

– Или он придерживается традиционных взглядов, – хмыкнул Джейнс. – У нас с тобой отличное разделение труда: ты собираешь вокруг себя замшелых любителей старины и тех, для кого заветы предков превыше всего, я маяк для оппозиции и всего нового, для каждого молодого дурня, который думает, что лучше взрослых знает, как управлять этой страной. Очень удобно оказалось. Впору подумать, что принцесса...

– Никаких новых фактов о происшествии в храме пред-

ков? – перебил его Раймон. – Два года прошло с тех пор, как исчезло тело.

– Пока никаких. Я работаю, брат.

– Я знаю. Просто спросил. Ладно... а насчет гаденыша – глаз с него не спущу. И с его выкормышей.

– Теоретически они все твои выкормыши. – Джейнс подлил в бокалы еще вина. – Кто бы мог подумать, что мальчишка упрется и откажется уезжать в новую жизнь без своих кухонных приятелей? С другой стороны, мы только выиграли. Все первые вассалы у нас под контролем и обучены нужным техникам. Парни хороши. Пойди еще найди таких способных засранцев!

Глава 10

– Вот поэтому мальчишеские вещи тоже не будем выкидывать, – втолковывала я Крону, усердно растирая семена петрушки в деревянной ступке, которую по моей просьбе выдолбил сам братец. Вообще, Крон оказался на редкость полезным приобретением, особенно если опустить его «вредные» качества, такие как некоторая несвоевременная заторможенность и непонятно откуда взявшаяся привычка кудахтать надо мной как несущка над свежим яйцом. – В некоторые места лучше ходить под видом мальчика. Фигура у меня за время «сна» поменялась, но не настолько, чтобы мешковатые штаны и рубаха не могли это скрыть, а волосы прекрасно можно спрятать под шляпой, как раз такой, какую носят мальчишки. Так что не бухти мне больше про приличия, будь добр... Ну что ты делаешь?! Я же сказала, снизу подцепляй! Снизу!

М-да, топор и молоток в руках моего невольного помощника явно лучше лежали, чем скользкие щупальца нашего будущего бизнеса. Чистить осьминогов ему еще учиться и учиться. Зато отбивал он их – любо-дорого посмотреть.

Да, один из секретов правильно приготовленного осьминога – это долгая и вдумчивая подготовка. Потому что эту сволочь со щупальцами для начала надо было долго варить, потом колошматить деревянным молотком, вкладывая в это

занятие всю душу, потом правильно нарезать, обвалить в специях и в муке, потом правильно сложить в горшок, чтобы отнести вместе с жаровней в нужное место, и только после этого можно приниматься за кулинарную порнографию.

Ага, на это действие все соседи начали стекаться в последнее время. И наша старая пиратка обязательно подгрребала – на запах. Не зря я сделала ставку именно на такую рекламу – еще на Земле видела и читала очень много разных исследований по этой теме, вплоть до того, как искусственно ароматизируются столики в разных зонах ресторана, как в супермаркетах начали работать с запахами в определенных отделах и как обычные уличные торговцы испокон веков не зря стараются жарить свои вкусности сразу на месте, собирая капающую слюнями толпу.

Кстати, я в прошедшую неделю не только искала неуловимые какао-бобы по аптекам и купцам Картахелии, но и успешно экспериментировала с местными специями, маслом, разными сортами муки. В результате самая хрустящая и ароматная корочка получилась из смеси конопляной муки, овсяных отрубей, буквально ложечки льняного семени (для липкости) и перетертых с морской солью сушеных травок, которые здесь можно было нарвать у любого забора.

Правда, перетирала и смешивала все эти чудеса я за закрытой дверью. Да-да, я прекрасно понимала, что осьминоги недолго останутся эксклюзивным фастфудом на пирсах и наверняка здесь и без меня есть хозяйки, которые знают, что

в отличие от кальмаров эту тварюшку надо полтора часа топить в кипятке и потом колошматить. Но! Но.

Вот именно в панировке и кроется девяносто процентов успеха. И брюквы лысой, не зная точного рецепта и не имея моего опыта, кто-то в ближайшие годы сможет ее повторить. А без нее не будет нужного аромата и хруста, не будет едва уловимого приятного жжения на кончике языка и желания запить следующий кусочек чем-то холодным, горьковатым и пенистым.

Так вот. Помимо всего этого, я еще усиленно болтала со всеми подряд и беззастенчиво подслушивала чужие разговоры. Благодаря чему, например, выяснила, что да, без «мамкиной юбки» мне никто не позволит торговать едой в порту, а в городе с этим еще строже и все места давно поделены. Но! Никто не запрещал мне «делиться» результатами экспериментов с соседями. И даже брать за это скромную плату не возбранялось. Главное – не деньгами.

Натуральный обмен, мы такое, помню, в школе проходили. А потом в девяностые выучили еще раз вместе с красивым иностранным словом «бартер».

Так что я не просто теряла время и переводила зря выловленных моим белокрысым поставщиком руконогих, не тратила деньги впустую, а обзавелась вполне приличным количеством нужных вещей.

Даже удачно, что у меня теперь не только Крон, но и одиннадцатилетний поставщик со своими мелкими сестренками.

Потому что дрова, мука и пиво – то, что чаще всего приносят на обмен соседи, – это, конечно, хорошо, но мало. В смысле, для нормальной торговли мало: чтобы делать хороший оборот, надо иметь более широкий ассортимент. Просить у соседей новую юбку для себя – это слишком. Вещи здесь, в эпоху ручного труда, стоят дорого, особенно когда на них ушло много материала и работы, потому что они пошиты на взрослого человека. А вот на ребенка...

Ну да, ну да. С Янем я тоже вполне наладила натуральный обмен, правда, пришлось поторговаться и немного поскандальить, мальчишка сначала не соглашался. Пока я на пальцах не разложила мелкому простую арифметику. Полотняное платье соседской дочери, из которого она выросла, если его сдадут в лавку старьевщика и он придет его купить туда, подорожает минимум на медяк: лавочник накинёт сверху свою долю. А если он возьмет его в обмен на руконогих, то оно обойдется дешевле на два медяка, потому что жареные морепродукты в розницу стоят дороже, чем сырые и оптом. Платье-то нам принесли именно в расчете на ценность готового продукта. Хорошее, из плотного льна, с крепкими ровными швами, а пятна... Крон отстирает, он обещал.

И я свою долю, так и быть, не буду накручивать.

Слава брюкве, уяснил. Так что дело пошло на лад: мы азартно менялись с ним на те самые дрова, на лепешки, которые я пекла из бартерной муки, на куриные яйца, которыми разок расщедрилась наша квартирная хозяйка. Да и мало

ли еще мелочей?

Честно говоря, уже на третий день я начала втихаря переплачивать. Да, моя практичность никуда не делась, но... но это дети. Даже не подростки-поварята в замке, они совсем маленькие, несмотря на показную боевитость и настоящую самостоятельность. И жилось им после смерти отца ой как несладко.

Я потихоньку-полегоньку выведала у самого мальчишки и у местных сплетниц довольно банальную и грустную историю. Отец мелких был не местный, приехал лет пять назад откуда-то с севера, привез молоденькую жену, две корзины немудреного скарба и двух детей. Третью уже здесь сделали.

Деньги у них были, хватило на маленький дом, лодку и вступительный взнос в артель рыбаков. Да вот только не слишком оказался приспособлен северный организм к здешним условиям. Зимы хоть и без морозов, а сырые, с промозглым стылым ветром. Про нормальную теплоизоляцию тут знают смутно, отапливаются жаровнями. Это когда костер горит во дворе, а угли из него потом насыпают в эту самую железную фигню, которая стоит в комнате. Так себе метод, хотя позволяет обходиться без дымоходов и почти без копти на потолке.

Короче говоря, худенькая северянка сдалась первая: после третьих родов подхватила простуду и сгорела, не дожив до весны. Мужик едва с ума не сошел, но все же пытался детей вытянуть, пока не сгинул в бурю.

Ну и... ну и все. Дети остались никому не нужны, родни у них тут не было, да и с виду они чужие, непривычные. Бело-брысые, белокожие. Подозрительные. А для кого и привлечательные...

Не по годам сообразительный Янь не зря и сам стерегся, и сестер сторожил, не разрешая никуда выходить из дому. Ракушки близко. Как ни гадко об этом думать, а тамошнимворотилам найдется куда пристроить трех симпатичных светловолосых детей.

– Слышь, поставщик, – я сунула сидящему на полене мальчишке еще одну лепешку с завернутыми в нее кольцами кальмара, – вопрос у меня к тебе. Точнее, два вопроса.

– М-м? – Дите лопало как не в себя, и – мне ли не знать, как моя еда действует на неподготовленного клиента? – пацан был сейчас предельно расслаблен, готов к сотрудничеству. – Фафие фва?

– Ты не знаешь, где в городе можно купить горькие бобы? Так, чисто случайно. А второй поважнее. В твоей халупе сколько комнат?

Глава 11

До конца первого месяца в городе оставалось меньше десяти дней. С одной стороны, это радовало: подготовка к переезду в маленький домик на самой окраине шла полным ходом и не так жалко будет впустую потраченных медяков, если съедем раньше срока. Понятно же, что госпожа Магнолия лучше съест сырого осьминога из моих ежедневных закупок, чем вернет деньги.

А с другой стороны, деньги таяли с пугающей скоростью, не слишком при этом приближая заветную цель: эксклюзивную шоколадную конфету для мамки Берты.

Про горькие бобы Янь предсказуемо ни брюквы не знал, ему хватило шокирующей новости о том, что половину его халупки можно сдать за живые деньги или за ежедневное меню.

Когда я это предложила, пацан сначала категорически отказался и сбежал. Следующим утром он уже был не просто насуплен, но и прилично задумчив.

Я не давила, все, что нужно, сказала в первый раз: мы запросто можем сообщить соседям, что к детям приехали дальние родственники с севера, все поверят. У троицы появится стабильный и безопасный доход. Небольшой, конечно, доброта добротой, но платить за угол в халупке на краю мира столько же, сколько за комнату с отдельным двориком

в приличном квартале, глупо и подозрительно. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, Янь это знает лучше меня и, если бы я предложила такие условия, отказался бы точно.

А так – вон, думает. Лоб морщит под выгоревшими волосами, давно, кстати, не мытыми. Торчат сосульками в разные стороны, слиплись от морской соли.

– Ты тут ляпнула, – пробухтел он, передавая мне по счету очередную партию головоногих, – что как раз будет кому за девками присмотреть, когда я до рассвета на острова уплываю. А откуда мне знать, – и зырк на меня из-под сосулек отчаянно злыми глазами, – что вы не затем подбираетесь?! Вернусь, а вас с девчонками след простыл, ищи свиста в Ракушках!

Он шмыгнул носом и яростно засопел, упихивая очередного морского гада в мою корзинку так, чтобы можно было крышку закрыть.

– Янь, ты ж не дурак, – спокойно вздохнула я, задавив в себе желание погладить мальчишку по голове. Его сейчас погладь, ага. Как раз о сосульки-колючки и уколешься, так воинственно они встопорщены. – Зачем для этого у тебя угол снимать? Хотели бы украсть девчонок и нажиться – пришли бы в любой день на рассвете. Тебя дома нет – я точно знаю, в какое время. Девчонки со мной знакомы уже, дверь откроют. Вернешься ты с осьминогами, и что?

Маленькая дочерна загорелая рука на крышке корзинки сжалась так, что тростниковое плетение затрещало, а ко-

стяжки пальцев побелели. Кажется, я озвучила его главный страх.

– Вот так вот. Мне просто у бабки дорого снимать и неудобно, – еще спокойнее пожала плечами я. – К тому же девчонки у тебя сообразительные. Смогут помочь с чисткой или за котлом присмотреть, где эти гады варятся. Ну и вообще – на подхвате. Тебе что, медяки лишние? Нет? Вот и мне. Я на вас прилично сэкономлю, понятно?

– Да... – Пацан шмыгнул носом и отпустил слегка покоруженную несчастную плетенку. – Ладно... вроде не врешь. А когда? Переберетесь-то? Барахла ж у вас еще... куда складывать? Места маловато.

– У тебя там позади дома пустырь, – выразительно фыркнула я. – Места – завались.

– И в первую же ночь все стащат благодарные соседи, – ехидно парировал маленький засранец. Он заметно успокоился и приободрился. – Полтора медяка с тебя за сегодняшней улов. Гони деньгами, мне кой-чего для рыбалки купить надо, и вообще.

– Держи. – Я быстро отсчитала ему три самые мелкие медные чешуйки, каждая достоинством в полмедяка. – Забор поставим. Крон прямо сегодня придет и займется. Дел на один день.

– Из чего? – снова съехидничал мальчишка, деловито осматривая свое плавательное корытце и ковыряя пальцем наметившуюся в дереве длинную трещину.

Похмурился и полез в мешочек у пояса за смесью смолы и рыбьего клея, он ее все время с собой таскал на рыбалку, видимо, как раз для таких целей. Как и обрывки старых конопляных веревок, размочаленных в паклю.

И продолжил мысль:

– Разве что из козьих орешков – там как раз чуть подальше выпас, местные тетки своих гадин рогатых гоняют. А досок и гвоздей не водится, ты рехнулась деньги на такое тратить?

– Не твоя забота, – отмахнулась я. – Там в овраге за пустырем и пастбищем тростник, ивовые заросли, да чего только нет. Для плетня самое то.

– Это я буду, как деревенщина какая, за плетеным забором сидеть?! Чтоб все соседи видели?! – взвился Янь, словно его со дня долбленки недобитый рак за мягкое место приглубил.

– А что, – я не выдержала и щелкнула по облупленному носу, – твой городской гонор от такого деревенского способа пострадает? А по заднице? Смотри, нашелся ценитель урбанистической архитектуры!

– Чего?! – оторопел Янь, аж свою смолено-клеевую паклю бросил, недозамазав щель. – Ты мне только при девках не вздумай такими словами ругаться. Плетень ей... Ладно, топляк с тобой. Так когда переберетесь?

– Старуха денег не вернет, так что ближе к концу оплаченного срока, – пожалала я плечами. – А вот вещи можно начинать потихоньку переносить. Но лучше так, чтобы госпо-

жа Магнолия подольше не заметила: привыкла, старая карга, моей стряпней лакомиться забесплатно почти. И к дармовой рабочей силе Крона тоже неровно дышит. Угрожать своим перекресточным зятем перестала, ходит улыбается. Но это пока не поймет, что выгодные постояльцы намерены смотать удочки от такого гостеприимства. Аренду она нам ни на четверть медяка не снизила за то, что мы из «проходимцев» превратились в «милого мальчика» и «умницу-девочку».

– Понятно. – Янь задумчиво почесал нос. – У тебя твоя гробина на колесах одна полдвора занимает, если ее вывезти, сразу заметно станет. Значит, ее последнюю... а остальное тащи.

– Это ты будешь тащить, – обрадовала я. – Будешь во двор опять своих многоногих гадов приносить, а обратно в корзине из-под них – по мелочи. Чует мое сердце, для чего-то нужна нам такая секретность.

– Дожили... – сумрачно засопел поставщик, но спорить не стал.

Как запланировали, так и сделали.

Даже Крон не возражал, наоборот, что-то проямлил одобрительное и послушно пошел строить забор вокруг пустыря за халупкой.

Кто ж знал, что его архитектурные работы приведут к такому непредсказуемому и весьма... неоднозначному результату?

Нет, ну я знала, что мой стукнутый заклятьем в голову

названный братец – натура насквозь практичная в самом деревенском смысле этого слова. Но чтоб настолько?!

Глава 12

– Так и что? – Я недоуменно уставилась на плетень.

На первый взгляд все было нормально, Крон справился, построил именно то, что надо.

Много места отгораживать нам не требовалось, но участок пустыря позади дома сорок на сорок шагов – показалось в самый раз. Мой названный братец потрудился на славу: не только возвел довольно высокий и прочный забор, но и разровнял площадку внутри него, повывидрал бурьян, собрал камни, сложил их аккуратной горкой в углу двора, притащил с недалекого пляжа несколько сотен корзин мелкой гальки и устроил антигрязевое покрытие... Неделью пахал как каменотес.

И совершенно непонятно, чем так недоволен теперь Янь, если от него в буквальном смысле можно печку поджигать? Такое впечатление, что сейчас искры посыплются с острых концов слипшихся белобрысых сосулек.

– Козел! – яростно рявкнул он и ткнул пальцем прямо в плетень.

– В смысле?! – не поняла я. – Какой козел?

– Вонючий! – Янь буквально полыхал возмущением. – Ты что, слепая?!

Я пожала плечами. И обратила внимание на то, что в том месте, куда так яростно тычет пальцем наш осьминожий по-

ставщик и будущий домохозяин, плетень как-то странно изгибается. Словно бы образуя там, с внешней стороны забора, небольшую нишу. Кстати, вон поверх кольев еще какое-то плетение... словно крыша над этим изгибом.

А еще в плетне именно в этом месте оставлено небольшое отверстие, в которое сейчас оказался воткнут скрученный жгутом пучок чуть подсушенной травы.

– Нет, ты это видела?! Видела?! – захлебывался негодованием Янь, тыча пальцем как раз в это сено. – Да эту тварь вся улица боится как огня, третьего дня пьяному гончару чуть мужские шарики своими рогами не продырявил, еще раньше бабуку Гронт ночью напугал так, что она самогонку, которую морякам из-под полы ночами продает, всю побила, девок моих сколько раз гонял, падла рогатая! Да вообще всех! А он его прикормил прямо под забором и чуть ли не будку ему тут устроил!

Я осторожно подошла и выглянула в оставленное отверстие. Пару раз моргнула, поймав встречный взгляд злых желтых глаз с узким поперечным зрачком. Оценила боевые рога в сколах и неровностях – каждый с мой локоть, кончик левого живописно обломан. Полюбовалась клочкастой пегой бородой и гроздьями репьев на серой от грязи шерсти...

С той стороны забора прямо в специально устроенной для него уютной нише с большим удобством расположился самый натуральный здоровенный и весьма недружелюбный козел.

Янь не соврал.

Козел меланхолично жевал ту траву, которую для него воткнули в забор, и наблюдал за мной с холодным презрением опытного пирата, к которому в иллюминатор неосмотрительно заглянула какая-то селедка.

– Кхм, – только и сказала я. – Интересно как... Крон! Поди сюда, радость моя!

Наш неустоимый братец в это время как раз что-то там делал на крыше халупки. То ли солому перестилал, то ли стропила менял, я не разобралась. Только удивилась про себя такому трудолюбию и рукастости, а еще подумала, что мне попался не мужик, а золото. Что, спрашивается, он забыл на кухне у вертела?!

Или все дело было в сваренных мозгах? И не сейчас сваренных, а тогда, до клятвы. Насколько я поняла из невнятных смущенных рассказов, очень уж один конкретный бородатый индивид любил приложиться к кувшину с вином. Так любил, что никакая мастеровитость не спасала: во хмелю был буен и злобен, а с бодуна еще хуже. Поскольку он все то время так и пребывал между этими двумя состояниями...

М-да.

А теперь не мужик – золото. Кстати, некоторые соседки в квартале госпожи Магнолии уже начали присматриваться. Я бы, может, когда-то и сама присмотрелась. Но не сейчас.

Крон, пока я размышляла, довольно ловко соскользнул с крыши, отряхнул с рук и одежды соломенную труху и по-

слушно подошел.

– Да, сестра? Мелкий, завтра пойдем в овраг тростник резать. Крыша прогнила, никуда не годится. Пойдут дожди – смоем нас.

– Пф-ф-ф! – яростно засопел Янь. И ни слова больше не сказал. Уставился с независимым видом в заборную дыру.

– Крон, ты нарочно эту зверюгу приманил? – спросила я, хотя последней устрице было понятно, что да, нарочно. – Зачем?

– Так это... – Братец поскреб ногтями коротко стриженный затылок. – Полезная ж животина. Я тут, пока забор мастерил, посмотрел, поспрашивал. У всех почти козы есть, молочные. И приплод регулярный. Ну и козел же для этого надобен.

– Это понятно. – Я тихо хихикнула. – Но нам-то он зачем? У нас козы нет. Или ты ради общественной пользы стараешься?

– Дык какая там общественная, – махнул рукой названный брат. – Козел и есть общинный. То есть ничей. Так всегда бывает. Бегают промеж двор, рогатых красоток кроет, а остальное время как хочет, так и живет. Нрав у него дурной и злобный, как козлу и положено. Эта окраина, сталбыть, владения его, вот он порядок и держит, чужаков гоняет, ну и всех, кто ему не нравится.

– Да ему никто не нравится, кроме коз! – не выдержал Янь. – Теперь к забору не подлезешь!

– А зачем добрым людям к нашему забору с той стороны подлазить? Только если злыдням. Мы сами через дом ходим, гости, коли будут, тоже с улицы придут, – вполне резонно и спокойно заметил Крон. – Для того ж я ему вон удобный ночлег соорудил, сено, опять же, присолил и подвятил как надо, на пустыре он такого не нащиплет. Будет приходить сюда. Привыкнет со временем. И ни одного чужака близко не подпустит. А то плетень плетнем, но долго ли умеючи через забор махнуть и спереть вещь какую нужную? Или еще какое окаянство учинить.

Крон рассказывал это все так обстоятельно и как-то веско, уютно, что губы сами поневоле расплзались в улыбке. А деревенский братец, не прекращая объяснять, пошел к маленькому стожку чуть в стороне, вытянул из него свежий клоч сена и ловко свернул в жгут. Выглянул в оконце, покивал козлу как старому знакомому.

– Красавец! Днем, бывает, по делам отлучится, владения свои обойти, с козой этого самого. А на ночь здесь устраивается. Ни одна псина так нам двор хорошо не охранит, как эта животинона полезная. Видели, какие у него рога? Враз нанижет любого злодея, кто к его забору близко сунется! И ни одна, сталбыть, падла из этих, что до девчонок чужих охочи, тоже не подойдет.

Янь открыл рот и пару минут оторопело пялился на «сторожевого козла», осмысливая перспективы. Посмотрел на меня, на Крона.

– Пошли сейчас за тростником сходим, чего время зря терять, – хрипло и нарочно грубо буркнул он, быстро отводя взгляд.

Резко развернулся и сбежал в дом.

Кажется, у кого-то глаза на мокром месте...

– Можно и сейчас, – все так же спокойно и обстоятельно кивнул Крон. – Намаялся малец, без папаши-то, без мамки. Трудно было, небось. А теперь попустило маленько, вот и расхлюпился. Ничего, он крепкий, раз выжил. Успокоится, – добавил он, когда мальчишка уже убежал. – Сестра, это... насчет козы – ты подумай. Место теперь есть, загон я враз смастерю, а молочная коза в доме с детьми – животное полезная.

Глава 13

Съезжать с квартиры пришлось за три дня до окончания оплаченного срока. Собственно, ничего страшного, я примерно так и рассчитывала. Единственное, о чем я не подумала, так это что уматывать придется еще поспешнее, чем даже в мыслях было, да еще и под покровом ночной тьмы.

Но тут деваться было некуда. Во-первых, сама госпожа Магнолия все настойчивее и настойчивее намекала, что лучшего жилья нам с братом не найти, да никто и не сдаст (последний намек был совсем прозрачный и «ненавязчивый», вроде как скверная тетка запугала соседей своим зятем и собственной склочностью, поэтому никто не захочет связываться).

Так вот, лучшего жилья нам не светит, а значит, пора платить за следующий месяц, но она, так и быть, из большого к нам расположения пойдет навстречу хорошей девочке и милomu мальчику: возьмет аж на два медяка меньше, если...

И дальше следовал целый список пунктов на двадцать, куда входил бесплатный труд моего «славного братца» по хозяйству и мой вечерний экспериментальный фастфуд, который ушлая тетенька предложила поставить на более широкие рельсы, но под собственным руководством. То есть я работаю за долю малую, она получает барыши, зато все «законно».

Ага, законно. Старая хитрая сволочь рассчитывала появлять меня тем, что я продам свою стряпню за деньги и уже никуда не денусь, потому что ее драгоценный перекресточный зять все втихую зафиксирует. Сделает вид, что выдал разрешение, а сам напишет протокол, или как оно тут называется. Положит до поры до времени в стол, а как только я попытаюсь рыпнуться... ну понятно.

Прощай, душа-свобода, буду пахать, как раб на галерах, под постоянной угрозой сесть в тюрьму.

С настоящей деревенской девчонкой прокатило бы почти наверняка, ее бы обманули. А со мной... А мне пришлось делать глаза радужной debilки и на все соглашаться, чтобы с ходу не получить какой-нибудь штраф за нарушение порядка, а вечером срочно паковать остатки скарба, грузить на телегу поверх печи и драпать со всех ног.

Честно говоря, меня подгонял еще один неприятный момент. Может, и зря я напряглась, но уже две соседки, выменивая вечером лепешки с осьминогами в хитром соусе на кусок самотканого полотна с «небольшой огрех вот тут и вот тут, дочка училась, но лен хороший!», проболтались о том, что в квартале видели «симпатичного мужчину», который разглядывает встречных девиц, особое внимание уделяя редким светловолосым представительницам прекрасного пола.

Брюква его знает, скорее всего, ко мне этот товарищ никакого отношения не имеет, мало ли мужиков, падких на экзотическую в их местности внешность. Вспомнить вон наших

южных парней – тем только покажи натуральную блондинку, сразу глаза квадратные и слюни до колен. Но этот конкретный еще и расспрашивал о приезжих...

Ну его от греха подальше. Янь живет чуть ли не на другом конце города, больше полутора часов пешочком с тачкой. Даже если кто-то будет искать – вряд ли найдут.

Но это все ерунда и мелочи, собрались да переехали, подумаешь, ночью. Сейчас главное было – как следует устроиться на новом месте и найти уже, наконец, эти чертовы «горькие бобы». У нас уже пять серебряных из десяти улетело, не впустую, но скорость, с которой деньги таяли, меня пугала. Надо срочно зарабатывать.

Чертовы бобы!

Последний аптекарь остался из тех, у кого цены не рассчитаны на высшую аристократию, которой деньги девать некуда. Живет у брюквы на куличках – в самом дальнем от порта районе. И по слухам, довольно суровый и даже сварливый старик. Если ему не понравится моя физиономия – хоть тресни, ничего не продаст.

А следующий сезон горьких бобов здесь наступает поздней осенью, почти перед самым первым снегом. До которого больше полугода ждать. Не знаю, почему именно тогда, но, скорее всего, это не с выращиванием плодов связано, а с расписанием навигации, с течениями там всякими и прочими направлениями ветра. Именно в это время приходят корабли из той части света, где эта прелесть растет.

Столько ждать мы просто не можем. Значит, ноги в руки и пошли... строить глазки последнему аптекарю.

Или не глазки.

Или не строить.

Как пойдет.

Пошло сразу не туда. Когда я под конвоем насупленного братца добралась до аптекаря, нас встретила запертая дверь, и это несмотря на то, что торговый день был в разгаре и все лавочники вокруг вовсю зазывали покупателей.

Но на единственной нужной двери висел плакат «Закр-то», а за ней слышался довольно высокий мужской голос, который ругался на все корки, при этом не переходя на нецензурщину.

То есть, кажется, старик отказывал кому-то из покупателей в самых изысканно невежливых выражениях. И покупатель был не из простых, поскольку распаленный аптекарь рычал что-то вроде:

«Да хоть сам герцог, в моих делах мне никто не указ! Если сказал, что не продам, значит, не продам!»

– У-у-у... – сказала я Крону и уныло попыталась заглянуть через давно не мытое оконце внутрь аптеки. – Кажется, мы зря пришли.

– Точно, сестра, – вздохнул Крон и попытался за руку оттащить меня от лавки. – Пойдем отсюда, купим твои бобы в другой день. Как бы чего не вышло, там явно кто-то из знати, а старик так скандалит, что без неприятностей не обойдется.

Как бы нам за компанию не того...

– Это да, – вынуждена была согласиться я. – Ладно, пошли.

И развернулась к лавке спиной.

Кто ж знал, что сегодняшние сюрпризы и неприятности этим не кончатся?

– Да я лучше первому встречному продам, чем такому наглому сопляку! – заорали вдруг совсем близко от двери. А после этого крика она распахнулась, и цепкая жилистая рука со старческими пигментными пятнами сцапала меня за юбку и без церемоний втащила внутрь.

– Вот! – Я проморгаться не успела от неожиданности, как меня схватили за плечи и поставили перед прилавком. – Милая девушка. Наверняка приличная! Пришла купить что-то важное. Верно? Милая девушка, что вы хотели?

Я с трудом подавила желание на пару минут прикрыть глаза рукой – не только чтобы выразить свое отношение к ситуации, но и чтобы хоть немного прийти в себя и вернуть четкость картинки. На улице был яркий солнечный день, а в лавке прохладный и пахнувший травами полумрак, в котором я сейчас почти ничего не видела, кроме смутных теней.

Но молчать было нельзя, так что пришлось усиленно шуриться и как можно вежливее отвечать:

– Добрый день, почтенный господин аптекарь. Я пришла потому, что услышала от другого почтенного господина аптекаря, что в вашей лавке еще можно купить горькие бобы.

– Вот! – ликующим фальцетом возопил старик. – Это перст судьбы! Один серебряный и четыре медяка – и весь мой оставшийся запас ваш!

– Кхм... – тот, на кого аптекарь так ругался, наконец подал голос. – Господин аптекарь, вы несправедливы. Я все же пришел первым. И я не хотел вас оскорбить. Может быть, мы договоримся?

В лавке было по-настоящему темно, мне не просто показалось после яркого света. Не знаю уж, как сам старик тут ориентировался, но я могла различить только мужской силуэт на фоне грязного окошка.

А еще голос. Который показался мне смутно знакомым.

Глава 14

– Там темень в этой вонючей лавчонке, хоть глаз выколи, демонов дед нарочно, что ли, все окна пыльными тряпками завесил! – продолжал эмоционально рассказывать Силье, упав спиной на кровать брата и дирижируя самому себе бутылкой со слабым ягодным вином. По правде говоря, пошло было так себе, очень сомнительно, что в нем имелся хоть какой-то хмель, так, одно название для девиц. Но рабочий день еще не кончился, а зануда старший брат даже вечерами не давал расслабиться нормальным вином, потому что «на новом месте слишком много ответственной работы, которой может помешать твое неуемное похмелье». – Конечно, я наступил на эту демонову кошку, чтоб ее! Я ее просто не видел! Эта тварь заорала так, что я подумал: у меня под ногами разверзлась дыра в преисподнюю, и оттуда лезет какой-то особенно зловредный дух. Ну я и пнул. От души. Так, что полосатая дрянь с воплем улетела за прилавок и там подрала когтями самого аптекаря.

– Короче. – Лиу сидел за письменным столом и быстро просматривал какие-то бумаги, сортируя их на две стопки. В одной уже лежало не менее сотни исписанных листов с разноцветными печатями, вторая была втрое тоньше и как-то унылее. Хотя именно на нее Силье косился с подозрением: знал, что, скорее всего, это ежедневная порция мучительства

для него лично.

– Что «короче»? – «Вино» в бутылке кончилось, валяться на кровати надоело, и пришлось сесть. – Короче, старый кошатник разорался так, словно я лично изничтожил его блохастого любимца тремя зверскими способами, а потом еще осквернил труп самым развратным образом. И категорически отказался продавать демоновы бобы! Зачем они вообще тебе сдались, ты можешь объяснить?

– Затем, чтобы ты не засыпал на ходу, – спокойно пояснил брат, предсказуемо двигая в сторону близнеца ту стопку бумаги, что потоныше, и сопровождая сие действие веским взглядом. – Я тоже устаю и хотел бы взбодриться. А лекарь господина градоначальника рекомендовал то ли настойку, то ли отвар этих зерен как тонизирующее средство. К сожалению, его собственные запасы иссякли и до осени пополнить их нет возможности. Поэтому я попросил тебя сделать очень простое дело: сходить в нужную лавку и купить весь запас, что там найдется.

– А слуг ты попросить, конечно, не мог?! Или кого-то из своих... как ты их называешь? Миньонов?

– Парни заняты каждый своим делом, их время мной уже распланировано, – пояснил Лиу, вдумчиво правя что-то в очередном документе и попутно заглядывая еще в три других. – Те из слуг, что приехали с нами, пока не освоились и тоже заняты. А местным я такое поручить не рискну. Ты хочешь, чтобы нас отравили в первый же месяц на новой

должности? Один намек на ревизию в управлении портом уже разворошил осиное гнездо, теперь жди неприятностей. А ты все равно был с поручением в той части города.

– Чтобы я не засыпал на ходу, мне не нужны какие-то подозрительные снадобья, достаточно дать выпасться лежа, – пробухтел Силье, вздыхая, потягиваясь и с тоскливым лицом подсаживаясь к столу. – Это для меня? Так и знал... – Он забрал свою часть бумажной работы и мрачно уставился в самый верхний лист. – Особенно когда их покупка превращается в сражение с котами, аптекарями и чокнутыми бабами. Кстати, местным слугам ты не доверяешь, а аптекарю градоначальника, значит, совесть помешает накапать нам в бодрящее зелье какой-нибудь дряни?

– Я плохо пока знаком с его совестью, – Лиу поморщился и покрутил шеей, разминая затекшие мышцы, – поэтому взял у него рецепт. Надеюсь, моих навыков еще хватит, чтобы самому приготовить нужный напиток. Точнее, теперь уже не хватит, потому что заморских зерен ты не купил, верно я понял?

– Неверно, – хмыкнул Силье, покусывая перо и довольно быстро выписывая что-то на чистый лист бумаги. – Точнее, почти... Все четыре мешочка захапала себе демонова девка, заявившаяся с улицы в самый неподходящий момент. Она, представь себе, тоже хотела весь запас бобов, и противный старикашка тут же продал ей все до последнего зернышка на треть дешевле, чем запрашивал с меня!

– За языком следи, – привычно одернул брата Лиу, в то же время поощрительно приподняв бровь: рассказывай дальше, мол.

– Не занудствуй, тут никого, кроме нас, нет, так что за нарушение этикета не выпорют. – Силье задумчиво воткнул перо себе в волосы, не обращая внимания на лиловую каплю, размазавшуюся по уху. – Вот же бл... гадство. Ты это видел? – Он возмущенно потыкал пальцем в документ и протянул его брату. Тот глянул мельком и кивнул. – Повешу на хрен ворюгу. Завтра же. Ага... так о чем я? Демонова девица перехватила весь запас у аптекаря, а потом еще и начала сюсюкать с демоновой кошкой, подхватив когтистую тварь на руки. Старик растаял и еще цену сбросил, а меня попытался выставить из лавки без всякого почтения к моему дворянскому титулу.

– Надеюсь, ты не... – мельком глянул на брата близнец.

– Вот не надо. Когда я на такие мелочи внимание обращал? И вообще, важно не это.

– А что? – Лиу опять недовольно покосился на перемазанное чернилами ухо брата и достал платок. Поймал того за плечо и, не давая отстраниться, начал оттирать лиловый след.

– Ау! Ухо оторвешь, ну! Ш-ш-ш... что ты как с мелкими своими? Дурацкая привычка. Умоюсь потом. Отстань. – Силье мотнул головой и отсел от слишком заботливого близнеца подальше. – К твоему счастью, у девицы из лавки ока-

зались не только премиленькие ножки, светлые косички из-под шляпки, надвинутой на самый нос, и не слишком роскошные, хотя вполне симпатичные сиськи в вырезе блузки, но и немного совести. Или кокетства, я не разобрал, время поджимало. Даже в лицо не стал особо вглядываться.

Силье встал, сходил к креслу, на которое бросил свои плащ и пояс, когда вошел в комнату, порылся в вещах и извлек из них небольшой полотняный мешочек с туго стянутой горловиной. Вернулся к столу и водрузил добычу прямо на очередной очень важный документ, который продолжал читать брат.

– Когда аптекарь нас наконец выставил, милая девушка сначала попыталась удрать с добычей. Но я был проворен и настойчив, так что она без лишних разговоров согласилась переуступить мне одну меру зерен за ту цену, что просил вредный дед. Очень торопливая оказалась девица, даже не стала торговаться. И застенчивая. Поручила разговаривать со мной своему брату. За такую доброту я им сунул монету покрупнее и пошел по своим делам. Так что на, вари свое зелье. Только пробовать будешь на себе! А лучше на господине лекаре градоначальника как на авторе рецепта.

Глава 15

С ума сойти, это же сколько бастардов в свое время наклепала серебряная династия? Если куда ни плюнь – везде попадешь в платинового блондина с породистым лицом?

Правда, кроме породы, осанки, уверенных манер и общего впечатления смазливости, я в бобовом конкуренте ничего не рассмотрела, потому что сначала было темно, потом кошка лезла со своим мурлыканьем прямо мне в лицо, потом я торопилась и переговоры вел Крон... но все равно меня не покидало смутное беспокойство и острое желание побыстрее смыться.

Я потому и торговаться не стала, отдала часть добычи, едва мы отошли от лавки сердитого любителя кошек. Оно мне надо, чтобы настырный представитель дворянства тащился за нами по пятам и ныл? Ладно, если просто ныл! Такой субъект мог запросто доставить кучу неприятностей, если бы захотел.

Я ему даже в глаза не стала смотреть, словно дикому зверю. Спряталась за широкими полями соломенной шляпки и постаралась даже разговаривать вполголоса.

Брюква его знает, почему меня так встревожил этот молодой человек. Видимо, этим смутным сходством, характерной внешностью обладателя серебряной крови. Напомнил кое-кого... а я и так с самого начала давила в себе любые мысли

и желания, запрещала даже думать о том, как бы узнать новости с королевской кухни.

Эта страница перевернута. Кухня осталась в другой жизни, в другом городе, а здесь это означает почти как в другом мире: ни телефонов, ни новостей, даже почты и той нет в привычном мне смысле.

Значит, и думать нечего. Мальчишкам сейчас... Лиу было семнадцать с хорошим хвостом, сейчас должно быть около двадцати, все равно еще пацан. Но уже наверняка старший помощник дяди.

Так.

Вот сама же сказала: не думать! И тут же начинается. Все. Вернемся к нашим баранам, в смысле – к бобам. Они наконец-то есть!

Теперь осталось самое сложное: из сырого и неизвестно как подготовленного и отсортированного сырья добыть настоящую шоколадную конфету.

А это, скажу я вам, та еще задачка, несмотря на то что я готовилась. Мысленно представляла весь процесс, проверяла собственную память, пыталась придумать, как местные весьма примитивные средства производства приспособить под весьма технологичные процессы...

Итак. Бобы у нас, слава богу, не сырые, а вполне высушенные и ферментированные. Уже хорошо. Свежие, они не обладают своим шоколадным вкусом и запахом, да и вообще не похожи на конечный продукт. Но тут мне на руку удален-

ность плантаций и морские перевозки – времени у бобов было достаточно, чтобы дойти до кондиции.

Теперь надо их правильно измельчить и умудриться добыть даже не какао-порошок (он вообще побочный продукт производства), а самое главное: какао-масло!

Пойди выжми его без промышленного пресса...

– Сестра! – сбил меня с мысли отчего-то чрезвычайно радостный Крон. – Сестра! Господин-то этот... он же мне пятисеребрянник сунул и ушел, от сдачи отказался! Смотри, сестра, это мы на твои зерна не только ни медяка не потратили, так еще и на козу заработали! Молодая, но уже раздвоенная, у госпожи Нортис в конце улицы, я тебе говорил! Теперь купим?

Что? Какая еще коза? А...

Я встряхнулась и переспросила:

– Сколько-сколько дал? Пятисеребрянник?!

Ого. Какой хороший, однако, молодой любитель какао нам попался. Не только не устроил скандал из-за того, что какая-то явная простолюдинка перехватила у него нужный товар, так еще и за переуступку заплатил чуть ли не втрое... Это у нас сегодня удачный день! Значит, и с шоколадом должно получиться!

– Купи, раз уж так вышло. Молоко в хозяйстве пригодится. Только не сегодня, сегодня ты мне будешь нужен.

Нету у меня механического пресса. Есть только братский. Вот его и используем.

Большую каменную ступу с пестиком я купила еще в самом начале нашей жизни в Картахелии. Крон тогда чуть с ума не сошел – никак не мог понять, зачем мне эта здоровенная штука аж за полсеребряного. А я вцепилась в выставленную на торги бандуру как клещ и переторговала какого-то заезжего купца, но получила свою прелесть. Потому что знала: растолочь какао-бобы – это вам не жука перечихать.

Как только мы добрались до дома, я, даже не обратив внимания на то, что Янь с сестренками уже сварили немудрящую похлебку из тех продуктов, что принес утром с рынка Крон, переоделась в старую мальчишечью одежду – платья следовало беречь – и рванула к своей заветной ступе. Вытащила ее во двор, тщательно вымыла, еще тщательнее вытерла и села над ней пересчитывать и сортировать заветные бобы, как Кошей над сундуком со златом.

– Она что, опять полную башку осьминогов нахвatala? – скептически спросил Янь, понаблюдав за сим действием. – Чего она там сидит с таким видом, словно эти козы какашки, что вы притащили, стоят как отборный жемчуг? Это и есть горькие бобы, которыми она все уши нам прожужжала?

– Янь, – тихонько дернула его за рубашку старшая из сестер, миловидная семилетняя девочка с красивым именем Майю, – Янь, это ступа, в каких бродячие мясники жженую кость толкут... Говорят, что в ней давят непослушных детей...

– Глупости говорят, – не отвлекаясь от сортировки бобов,

откликнулась я на этот детский страх. – Мы будем толочь в ней только вкусные вещи и никаких тощих деточек. Иди сюда, я покажу тебе, как это интересно. А потом всем дам попробовать результат, обещаю.

Мелкие поставщиковы сестренки мне нравились, несмотря на полное отсутствие чадолюбия в моем анамнезе. Они были спокойные и серьезные не по годам, не шумели без толку, не проказничали и все время старались чем-то помочь.

Правда, как раз вот это все внушало мне смутные подозрения: все казалось, что нормальные здоровые дети должны быть немного другими. Но за хлопотами пока времени как следует присмотреться и подумать не представилось.

Вряд ли детям так уж интересно было смотреть, как я толку непонятные «козы какашки» в ступе до получения шоколадной крупки, но тут мне на руку сыграл запах. Да-да, просто бобы так не пахли, а вот когда я начала долбить по ним пестиком, то носами зашевелили все, даже Крон, уже радостно мастеривший в углу двора загон для будущей козы.

– Может, и не совсем гадость, – с сомнением резюмировал Янь, недоверчиво заглядывая в ступку и принюхиваясь. – Может, и...

– А ну, руки убери! – Я шлепнула его по вороватой ладони. – Во-первых, пока только запах вкусный, а сама крупа горькая. А во-вторых, ты рехнулся – пальцы под пестик совать? Я не собираюсь делать конфеты с детятиной. Брысь и принеси из дома ручной жернов для зерна. Бегом!

Глава 16

Когда шоколадную крупку перетираешь жерновами в кашицу, получается не мука, а именно она – каша, жирная и густая, в которой, если я правильно помню, больше пятидесяти процентов жира. Того самого какао-масла. И вот это масло нам теперь нужно отжать.

Технологию я начала продумывать еще тогда, когда мы шли сельскими дорогами в Картахелию. Присматривалась к хозяйству крестьян, подмечала то жернова, то примитивные маслобойки, а один раз на свое счастье сумела рассмотреть на особо богатом подворье давилку для льняного семени. То есть это был простейший пресс с винтовым принципом сжатия.

Увы, осторожные расспросы принесли неутешительный результат: стоила такая давилка дороже, чем крыло... за неимением в этом мире самолетов – скажем, как крыло от легендарного дракона. Гораздо дороже, чем десять серебряных.

Так что, увы, пришлось ломать мозги дальше и вспоминать, как устроены простейшие рычаговые приспособления. И тут мне, к счастью, попала на глаза бондарная мастерская, в которой как раз собирали бочонки для винокурен, расположенных дальше, за нашей окраиной.

Не обошлось, конечно, без курьезов. В этом дурацком

средневековье ни один уважающий себя бондарь не вступал в переговоры с молоденькими вертихвостками, если, конечно, не собирался пофлиртовать. Но флирт – это не заказ, а девица – не серьезный человек, с которым этот самый заказ стоит обсуждать.

М-да.

В результате мне пришлось на пальцах объяснять Крону, что именно я хочу. Тринадцать, ТРИНАДЦАТЬ раз объяснять и переспрашивать, пока он не запомнил каждую мелочь и не смог повторить все в правильном порядке. Зато в процессе сама окончательно поняла, чего я хочу. И только потом я выдала названому брату половину серебрушки медью и отправила на переговоры.

Уф... зато к моменту переезда в дом Яня с нами на телеге поверх печки путешествовал нужный агрегат. Низкий цилиндрический бочонок из ясеневых плашек с двойным бронзовым ободом снаружи. С высверленными у самого дна стоками для масла – по кругу. С поддоном для сбора этого самого масла. И с подогнанной до миллиметра круглой плашкой, которая и будет давить на какао-жмых, если на нее сверху сядет здоровенный мужик и возьмет в руки еще примерно килограммов сто каких-нибудь камней.

Подумав, мы уже дома на эту плашку сверху прибили доску пошире, чтобы можно было вдвоем сесть и камней побольше набрать.

Был еще один секрет: как известно, хороший шоколад та-

ет во рту, а не в руках и все такое. Тут я не заблуждалась: руки тоже перемазать можно только в путь, если с шоколадом тискаться, но внутри пресса теплых ладоней нет, а какао-масло твердеет при двадцати пяти градусах и тает при тридцати двух. Так вот, чтобы его выжать, надо было правильно подогреть нашу какао-кашу, прежде чем закладывать ее в пресс.

Но с этим я справилась, главные сложности начались, когда пришел черед таки усаживаться живым грузом на пресс.

Не знаю, возможно, шоколадные пары с непривычки так подействовали на детей, или они просто от обилия впечатлений немного сошли с ума, но места на доске, на которую надо было сесть, мне не досталось. И даже камни не пришлось искать, потому что все три малолетние обезьяны залезли Крону едва ли не на голову и там прилипли намертво. Весу, конечно, в этих цыплятах – одно название, приличный булыжник с морского берега и то тяжелее. Но все втроем они все же дополнили хороший мускулистый центнер названного братца, и спустя какое-то время процесс пошел.

С ума сойти, я думала, придется в приказном порядке с рывками держать «груз» сидящим на одном месте, чтобы они несколько часов не слезали с доски и выжали мне мои бобы досуха. Какое там, уже стемнело, когда я чуть ли не палкой по попе разогнала этот щебечущий курятник с Кроновой головы. Ну как палкой... показала им лопатку для размещения каши и пригрозила не дать на пробу шоколадный ре-

зультат, если все сию минуту не отправятся по кроватям.

О! Надо взять на заметку. Только что картинно стонавшие о затекших руках и ногах дети испарились в мгновение ока, а не менее картинно побряхтывающий Крон ненамного от них отстал. Тоже хочет конфет?

Хм. Да я сама уже их хочу, если честно.

Конечно, на классический шоколад уровня швейцарского я не замахивалась. Даже простейшие трюфели пока несбыточная мечта. Но где наша не пропадала? И кто мешает нам соорудить собственного мутанта?

Смесь всего на свете с тем самым трюфелем и конфетой «Белочка». Дробленые орехи; тонко смолотые специи, которые я подбирала и добавляла в смесь едва ли не по крупиночке, чутко отслеживая букет; самые жирные и свежие сливки; смолотый в пудру на том же жернове сахар. Правильно нагреть, правильно остудить – в ведре с ледяной колодезной водой.

Сформировать круглые конфеты и до брюквы нервничать – застынут правильно? Расползутся невразумительной сладкой кашей?

Посыпать результат перемолотым в пыль жмыхом, тем, что остался после того, как все масло стекло в поддон, – это и есть какао-порошок, к которому мы привыкли на Земле. Только тут, конечно, не такой тонкий, ну да что поделать: каменный простенький жернов – это вам не промышленный измельчитель. Но этот вопрос я еще додумаю...

Разложить результат на столе и порадоваться — на глазок вышло не меньше пяти килограммов конфет. Завернуть каждую в заранее приготовленную хрусткую вощеную бумагу, на которую тоже пришлось потратиться...

Полюбоваться.

Торжественно развернуть конфету и...

Ой, а что, уже утро? Я всю ночь провозилась и не заметила? И теперь мне брюквы лысой дадут насладиться шоколадом в одиночестве, потому что три бледные от недосыпа детские физиономии уже нависли над столом с конфетами, как три кровожадных вампирчика над свежей девственницей. А еще выше не менее бледная и жаждущая физиономия, которую опять надо брить, потому что черная щетина в сочетании с алчным голодным взглядом — это страшно.

— Ладно, ладно! — махнула я рукой. — Вам не дать — так меня ж сожрете, изверги... Так. Сначала умываться, некоторым, не буду пальцем показывать, бриться, одеваться и кашу. А потом, так и быть, будет вам праздник.

Хм, половину запаса надо точно припрятать из педагогических соображений. Так быстро эти дети и этот братец еще ни разу на моей памяти не бегали!

Глава 17

– Да за такую конфету тебя не только мамка Берта под обе юбки пустит, а в королевский дворец с почестями повезут на большой телеге! – выдал вердикт потрясенный Янь, когда масляная поволока блаженства растаяла в его глазах вместе с сунутой за щеку шоколадкой. – Дай еще!

– Никаких еще, – строго отрезала я, мысленно содрогнувшись. Только королевского дворца и большой телеги мне не хватало, брюква их побери. – Хочешь, как Берта, без зубов остаться? Шоколадки детям не игрушка и не еда. Поэтому сейчас каждый займется своим делом, а я сяду и буду думать, как именно, куда и когда я пойду с этими конфетами, чтобы точно не пройти мимо нужного человека.

Да, это легко сказать было: слепи экзотическое лакомство – и мамкина юбка у тебя в кармане. Начать с того, что сама Берта давным-давно на пирсах не торгует, я за те дни, что прогуливалась там, изучая обстановку, много чего узнала, но ее ни разу так и не видела. Хотя вполне оценила другие нюансы: во владениях загадочной и грозной сладкоежки был один из центральных пирсов, тот, к началу которого стекается толпа с трех сторон – от дорогих причалов, где швартуются всякие правительственные делегации, дипломаты, богатые купцы и большие корабли; от самой оживленной и людной линии, где народ попроще, но тоже крепко стоит

на ногах, в их случае, на палубе среднего тоннажа. Каботажники, купцы попроще, частные корабли дворян средней руки, путешественники и всяческие авантюристы из тех, кому везет; ну и с «левого конца» — там тоже людно, но публика совсем простая и разношерстная, от начинающих навигаторов до обычных рыбаков из артели на пять скорлупок.

Поэтому и товар у «дочек» Берты был разнообразен по цене и ассортименту, на любой вкус и кошелек. И расставлены лотки с лепешками, сладкими колечками, выпечкой и легким пенным пивом были достаточно грамотно, чтобы не мешать друг другу, но находиться в прямой видимости.

Жареную рыбу с ломтями местной картошки, тоже жареной, здесь продавали с левого края, поближе к малоденежным, но более голодным клиентам и пиву, а вот фигурную выпечку и красиво оформленные сухофрукты на палочках — рядышком с молодым, едва созревшим вином и поближе к богатым господам. И так во всем — чувствовалась опытная и уверенная рука умного управленца.

А вот самого управленца, точнее управленку, фиг поймешь. Оставалось наблюдать, думать и вычислять того, кто ее заменяет во время рабочего дня. Не может быть, чтобы хоть одна из девиц, теток и даже весьма пожилых госпожей не была у других за старшую и не имела связи с начальством на случай непредвиденных проблем.

Ну что сказать? Три дня пристального наблюдения (это значит, что в отличие от прошлых прогулок я не просто

пошаталась по пирсу и ушла, а задержалась там на целый день, гуляя, строя глазки морякам попредставительнее – взяла пример с других приличных с виду девиц, чтобы не выделяться из толпы, – слушая сплетни, болтая с мамкиными дочками, с их клиентами, с кем попало...) дали совсем другой и гораздо более нужный результат, чем прежние мимолетные зарисовки.

Я больше увидела и поняла, вычислила кое-что... и меня тоже заметили и вычислили.

– Ну и что ты тут вынюхиваешь? – весьма недружелюбно спросили мне в спину, когда третий вечер медленно погасил алые от заходящего солнца воды залива и взамен им стали зажигаться маленькие шелковые фонарики на каждом из лотков.

Я обернулась. Хм, смотри-ка, угадала!

Самой шумной и властной из Бертиных дочек на первый взгляд была рослая и щедрая на женские формы брюнетка лет тридцати на вид. Она торговала пивом, изредка перешучивалась с покупателями, но при этом вид имела такой грозный и спокойно-предупреждающий, что даже хмельные матросы с королевских кораблей, те, которым обычно море по колено, с сестрицей Фридой вели себя почтительно. Хотя и пялились на формы. Но сальных шуточек не отпускали – по этим самым формам было сразу видно, что могучий пинок под зад не заржавеет. Про оплеуху можно даже и не упоминать.

Казалось бы – вот старшая над остальными дочками, больше искать не надо. Но... но не все так просто.

Иногда самое яркое и заметное – не есть самое главное. Поэтому добрая лепешечница Ума, пухленькая, уютная и похожая на всех самых ласковых бабушек в мире сразу, на первый взгляд ну никак не подходила на роль командирши. А вот...

Сейчас у меня за спиной стояла именно она, а вовсе не Фрида. И в голосе доброй бабушки не было ни одной ласковой ноты, одна сплошная холодная сталь.

– Если ты от Длинной Кошки, то зря стараешься, разговаривать нам не о чем, – холодно высказала в ответ на мой вопросительный взгляд Ума. – Так что иди отсюда, пока цела. Сами тебе волосенки драть не станем, а вот ребят попросить можем, – она чуть кивнула в сторону компании подвыпивших морячков, устроившихся на краю пирса с мисками местного «фиш энд чипс» и пивом, – нам не откажут. Живо тебе подол обдерут. Поняла? И хозяйке своей так и передай.

Я медленно вдохнула солоноватый морской воздух. Выдохнула. И улыбнулась. Постаравшись не вкладывать в эту улыбку никаких особенных смыслов и подтекстов, просто позволив ей скользнуть по губам естественно и легко.

– Хотите конфету, госпожа?

– Что? – удивилась Ума. Кажется, я ответила совсем не так, как она ожидала.

– Конфету. Это редкое лакомство, думаю, в Картахелии

такого еще никто никогда не пробовал. — Я склонила голову к плечу и раскрыла поясной кошель, доставая аккуратно упакованный в вощеную цветную бумагу шоколад. — Угощайтесь, госпожа. От чистого сердца. А, да... С той госпожой, о которой вы говорили, я не знакома. Я ищу другого... человека.

— Вот как, — усмехнулась Ума, и ее взгляд стал внимательным и острым, как лезвие клинка. — Еще одна претендентка. Кто тебе сказал, красотка, что Берта ищет себе новую дочку?

— Никто. — Я пожала плечами, терпеливо не убирая протянутую руку с конфетой. — Просто мне очень нужно. А еще я могу предложить кое-что не только вкусное, но и интересное. И не помешаю остальным сестрам работать, если они решат дать мне шанс.

Это было важно. Сразу обозначить главное: я не стану конкуренткой. Ну, то есть понятно, что тоже буду продавать еду, но не такую, какая уже есть на пирсе. Это было одним из краеугольных камней здешнего берегового сообщества торговков. Если идешь проситься к мамке под юбку, умей не только заинтересовать ее, но и предложить для продажи что-то, чего еще не было у других ее дочек.

Ума еще почти две минуты стояла и рассматривала меня, как неведомую букашку, которая вдруг выползла из середины именинного торта и нагло шевелит усами на онемевшую толпу гостей.

А потом коротко хмыкнула, кивнула и бросила через пле-

чо:

– Лани, остаешься до закрытия. За старшую. Смотри у меня.

– Ага, мам, – промычали из-под прилавка с лепешками и булочками.

– Иди за мной, конфетница. – Мне тоже достался короткий кивок.

А я что?

Я пошла.

Глава 18

Шоколадку у меня, кстати, забрали. Но я не слышала шелеста фантика, пока Умина светлая юбка с кружевной оборкой маяком мелькала в сгущающихся сумерках, увлекая меня кривыми переулками все дальше и дальше от людского шума и мягкого перебора волн.

Впору бы испугаться – заведет тетка неизвестно в какую дыру, и что тогда? В лучшем случае – дадут по голове и ограбят, в худшем – Ракушки.

Но я все же не настолько наивна, поэтому и мелькала так открыто на пирсе. Меня видели не только Бертины дочери, но и конкурентки, наш разговор слышали люди со стороны, а насколько я поняла из вороха разговоров и сплетен, откровенной криминальщины за мамками никогда не водилось. Во всяком случае, такой, на которой бы хоть одна попалась.

А значит, какие-то гарантии у меня есть.

Шли мы, наверное, не менее получаса и давно покинули припортовые кварталы. Честно говоря, я ждала чего-то подобного. Объем торговли на пирсе был таков, что человек, всем тут заправляющий, не мог быть бедным. Если верить слухам, мамка Берта работала на этом месте уже больше тридцати лет и за это время могла сколотить капитал, который позволит содержать хорошее дворянское поместье. Ну или шикарный дом в «белом» квартале.

А если Берта еще умнее, чем о ней говорят слухи, то в белый квартал мы не пойдем. Останемся где-то среди респектабельных чистеньких улочек среднего класса, там, где живут добропорядочные горожане, скучные в своей честной зажиточности.

Так и оказалось. Аккуратный заборчик, свежая краска на воротах, бронзовый колокольчик и мансарда с плоской по южному обычаю крышей – со стороны можно было подумать, что здесь проживает какой-нибудь отставной чиновник или учитель, заработавший за долгую достойную жизнь небольшой, но приличный капитал.

А еще я заметила, что, кроме вылизанной респектабельности, в этом доме живет тщательно спрятанная от посторонних глаз опасность. Да-да, та тень слева от крыльца – большая, но явно не брехливая собака без привязи. То есть выдрессированная нападать на врага молча. А та, что справа, – не менее тихий и выдрессированный мужчина, который нарочно прячется в тених и тоже не кидается без команды. Ну что, безопасность хозяев на высоте. И почему-то совсем не страшно, может, из-за того, что на редкость разумно.

– За нами никто не шел, – сказала куда-то в густеющую тьму Ума, поднимаясь на крыльцо и берясь за дверную ручку. – На подсаду не похожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.